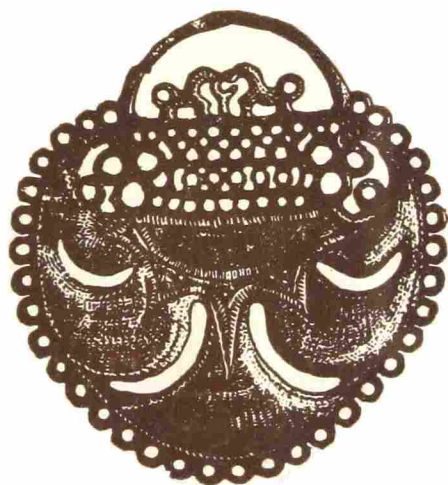

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

3

1977

В. М. МАССОН

АЛТЫН-ДЕПЕ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА

Систематические раскопки поселения Алтын-депе в Южном Туркменистане дали яркую картину внутренней структуры и культурного облика раннегородского поселения эпохи бронзового века¹. Сейчас достаточно ясно, что эта древнейшая цивилизация нашей страны входила в достаточно обширную зону древних цивилизаций между Месопотамией и Индией, и именно с ней в целом ряде отношений генетически связана достаточно высокоразвитая культура середины и второй половины II тысячелетия до н. э., открытая за последние годы по среднему течению Амударьи². Естественно, что в этой связи особенно важной явилась проблема генезиса самой раннегородской культуры Южной Туркмении, выявления и характеристики ее истоков и предшественников. В самое последнее время этот вопрос вышел за территориальные рамки собственно среднеазиатской археологии. Обнаружение в нижних слоях Шахри-Сохте в Сеистане значительного числа расписной керамики, идентичной южнотуркменистанским образцам времени Намазга III, закономерным образом привело к постановке вопроса о формировании здесь оседлоземледельческой культуры в ходе расселения южнотуркменистанских общин³. В одной из недавно вышедших работ даже поставлен вопрос о наличии в конце IV — начале III тысячелетия до н. э. на Иранском плато двух главных сфер культурного взаимодействия — месопотамской, или джемдетнарсской, и южнотуркменистанской⁴. Все это делало особенно важным изучение ранних напластований на Алтын-депе, что и было осуществлено в 1970, 1971 и 1974 гг. наряду с продолжением раскопок верхних наслоений этого памятника⁵. Уже предварительная шурфовка Алтын-депе, осуществленная в 1960 г., установила здесь наличие позднеэнеолитических слоев с расписной посудой геоксюрского типа⁶. Теперь есть возможность представить достаточно полную стратиграфическую колонку этого крупного памятника и в известной мере наметить картину его развития на протяжении энеолитической эпохи.

¹ В. М. Массон. Протогородская цивилизация юга Средней Азии, СА, 1967, 3; *его же*. Раскопки на Алтын-депе в 1969 г. Апхабад, 1970; *его же*. Раскопки погребального комплекса на Алтын-депе. СА, 1974, 4.

² А. Аскарлов. Сапаллитепа. Ташкент, 1973; В. И. Сарияниди, Бактрия в эпоху бронзы, СА, 1974, 4.

³ М. Тоzi. Excavations at Shahr-i Sokhta. Preliminary Report on the Second Campaign, EW, 1969, 3—4, p. 287, 288, fig. 37; R. Biscione. Dynamics of an Early South Asian Urbanisation: the First Period of Shahr-i Sokhta and its Connections with Southern Turkmenia. South Asian Archaeology, London, 1973.

⁴ С. С. Ламберг-Карловский, М. Тоzi. Shahr-i Sokhta and Tepe Yahya: Tracks on the Earliest History of the Iranian Plateau. EW, 1973, 1—2, p. 52.

⁵ А. Я. Щегенко. Работы артыкского отряда Каракумской экспедиции. АО — 1969, М., 1970, стр. 416; В. М. Массон. Изучение стратиграфии и топографии Алтын-депе, АО — 1970, М., 1971, стр. 428, 429; *его же*. Изучение общественной структуры раннегородского поселения Алтын-депе. АО — 1971, М., 1972, стр. 529.

⁶ В. И. Сарияниди. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. САИ, БЗ—8, IV, 1965, стр. 27.

Весьма значительный материал, характеризующий энеолитические наслоения Алтын-депе, был получен на раскопе 1, заложенном на восточной окраине «холма ремесленников». Здесь в 1965—1966 гг. было вскрыто три строительных горизонта времени Намазга V, соответственно названных Алтын 1, 2 и 3. Тогда же был выявлен слой Алтын 4, содержащий расписную керамику типа позднего Намазга IV⁷. В 1970 г. работы по изучению стратиграфии на этом раскопе были продолжены и в траншее шириной 4 м ступеньками, спущенными по склону, пройдены культурные слои до подстилающего их материка с выделением горизонтов Алтын 5—15 (рис. 1). Наконец, в 1974 г. эта траншея была расширена на уровне горизонтов Алтын 9—10 с целью получения материалов, характеризующих позднеэнеолитические комплексы поселения. Остановимся на краткой послойной характеристике этого раскопа (рис. 2).

Расположение раскопа на краю поселения обусловило то обстоятельство, что вскрываемые здесь строения сохранились лишь частично и одна из стен раскапываемых комнат, внешняя по отношению ко всему поселению, обычно разрушена. Энеолитические слои на раскопе 1 начинаются с горизонта Алтын 9. Здесь в обресе траншеи выявилась часть прямоугольного в плане горна, стенки которого покрыты ошлакованной обмазкой. Рядом с горном находится углубление, заполненное значительным числом галек. Судя по вскрытым частям стен, поблизости от горна находилось многокомнатное строение, в котором удалось вскрыть часть небольшой комнаты, посередине которой находился круглый в плане очаг (рис. 3, Г) и стоящий в очаге сосуд, выточенный из белого мраморовидного известняка (рис. 4, 20). Рядом с очагом на полу находился рог животного. На полу же располагалось сильно потревоженное погребение № 278. Видимо, это помещение с овальным очагом представляет собой внутридомовое святилище, обычное для многокомнатных массивов позднеэнеолитических поселений Геоксюр I и Чонг-депе⁸. Примечательно, что в одном из таких святилищ Геоксюра на полу находились нарушенные костяки трех людей. Правда, они лежали на слое горелого хвороста, что В. И. Сарияниди склонен связывать с обрядом культового трупосожжения⁹, тогда как в святилище слоя Алтын 9 следы воздействия огня отсутствуют. Но вместе с тем совпадения самого факта нахождения человеческих останков в святилищах Геоксюра и Алтын-депе достаточно показательны.

Западная стена рассматриваемого нами помещения имеет двойную толщину и, видимо, являлась наружной стеной всего многокомнатного массива в целом. Действительно, здесь на незастроенном участке обнаружена овальная в плане коллективная гробница (рис. 3, Б), столь же характерная для памятников геоксюрского типа, как и святилище с овальным очагом. В этой гробнице располагались два погребения — более раннее № 282 и частично перекрывающее его № 281. Оба костяка лежат на правом боку головой на север. На полу камеры отмечены отпечатки циновки, такие же отпечатки местами прослежены и на земле поверх костяков. В состав погребального инвентаря входили два керамических сосуда, в том числе плошка с росписью карадепинского стиля, два терракотовых навершия, одна каменная бусина и один небольшой медный треугольник, возможно, наконечник стрелы. Часть западной

⁷ В. М. Массон. Протогородская цивилизация..., стр. 168—170; А. Я. Щегенко. Раскопки на Алтын-депе в Южной Туркмении. КСИА АН СССР, 114, 1968. Стратиграфические раскопки на Алтын-депе велись по строительным горизонтам, а при их отсутствии — по условным ярусам, равным 50 см.

⁸ В. И. Сарияниди. Энеолитическое поселение Геоксюр. ТЮТАКЭ, X, 1970, стр. 231—235; его же. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении..., стр. 10—14.

⁹ В. И. Сарияниди. Культовые здания поселений анауской культуры. СА, 1962, 1, стр. 51.

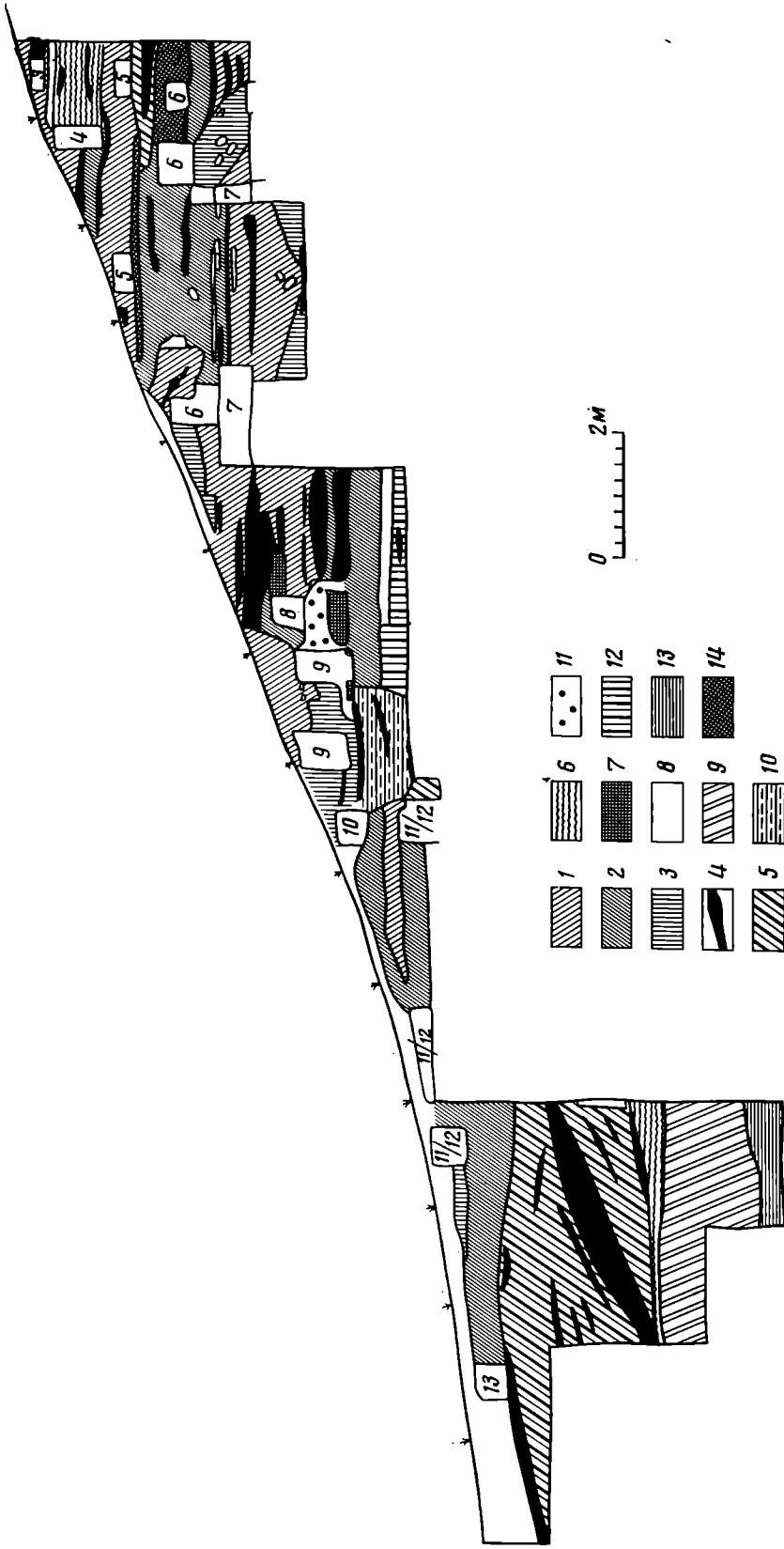

Рис. 4. Профиль стратиграфической траншеи раскопа 1: 1 — рыхлые слои с кусками сырца; 2 — плотный завал сырца; 3 — мусорные слои с кусками сырца; 4 — золные слои; 5 — мусорные слои с зеленоватыми прослойками; 6 — натечные слои с зеленоватыми прослойками; 7 — ошлакованные кирпичи; 8 — сырцовые стены в разрезе; 9 — слоистая и комковатая глина; 10 — рыхлые слои коричневатого цвета; 11 — ошлакованная обмазка керамического горна; 12 — глинистая забутовка; 13 — материковая глина; 14 — рыхлые слои коричневатого цвета с кусками сырца

Материал Слой	металл	камень	терракота	керамика
Алтын 4		1	2	3 4 5 6 7
Алтын 5		8 9 10 11		12 13 14 15 16 17
Алтын 6				18 19 20 21 22 23 24 25 26 27
Алтын 7	27 28	29 30 31 32		33 34 35 36 37 38
Алтын 8		38		39 40 41 42 43 44 45
Алтын 9		45 47 48		49 50 51 52 53 54 55 56 57
Алтын 10		58		59 60 61 62 63 64 65 66 67
Алтын 11/12		68 69 70		71 72 73 74 75 76
Алтын 13		77 78 79 80 81 82		83 84 85 86 87 88 89 90 91
Алтын 14		92		93 94 95 96
Алтын 15		97 98 99 100		101 102 103 104 105 106
Ярус XXXVI		107 108 109 110 111		112 113 114 115 116 117 118
Ярус XXXVII		119		120 121 122 123 124 125 126
Ярус XXXVIII				127 128 129
Ярус XXXIX				130 131 132

Рис. 2. Археологические комплексы из раскопа 1

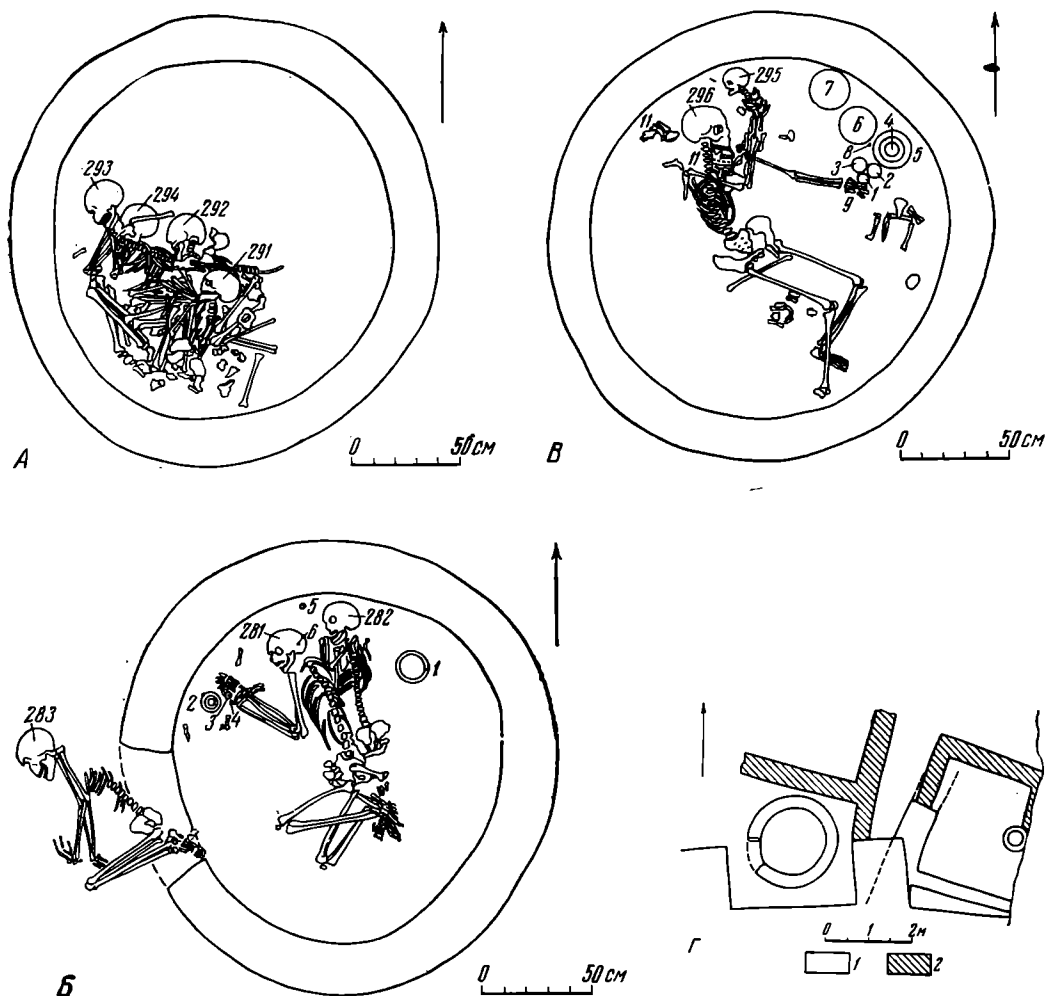

Рис. 3. План энеолитических строений и погребений на раскопе 1. А — толос слоя 10 на уровне верхнего горизонта, Б — на уровне второго горизонта (1 — каменный сосуд из белого известняка; 2 — сосуд из розового известняка; 3 — керамический нерасписной горшочек; 4 — расписной горшочек; 5—7 — расписные чаши; 8 — керамическая бусина; 9 — медная булавка; 10 — медный нож; 11 — бирюзовые пронизки — 10 шт.); В — толос слоя 9 (1 — расписная плочка; 2 — красноглиняный горшочек; 3 — каменное пряслице (бусина?); 4 — обломок медного наконечника; 5 — обломок терракотового навершия; 6 — глиняная бусина); Г — план строений слоя 9 (1) и Алтын 10 (2)

стены камеры разрушена впускным погребением № 283, которое скорее всего принадлежит не к горизонту Алтын 9, а к более верхним наслоениям.

За два сезона работ (1970 и 1974 гг.) был получен достаточно разнообразный материал, характеризующий горизонт Алтын 9, и прежде всего яркий керамический комплекс (рис. 5). В его состав входит посуда с полихромной росписью геоксюрского стиля, а также сосуды с орнаментом, развивающим традиции этого стиля в одноцветном исполнении и в более пестром, как бы пзмельченном рисунке. Особый интерес представляет находение в этом слое привозной керамики карадепинского стиля, включая один фрагмент с изображением барсов, и местных изделий, явно подражающих этой группе расписной керамики.

В следующем горизонте — Алтын 10 были вскрыты части сырцовых строений, не дающих, однако, четкой планировки каких-либо законченных массивов. Наибольший интерес здесь представляет овальная в плане по-

Рис. 4. Каменные, костяные и терракотовые изделия

гребальная камера, располагавшаяся почти непосредственно под камерой горизонта Алтын 9. Погребения этой камеры располагались на двух уровнях, причем на верхнем уровне (рис. 3, А) в юго-западной части гробницы находились компактно расположенные останки четырех людей (погр. 291—294), частично перемещенные и ориентированные в основном на С — СЗ. Какой-либо инвентарь у этих захоронений отсутствовал. На нижнем уровне (рис. 3, В), отделенном от верхнего 20-сантиметровым слоем глинистых натеков, непосредственно на полу камеры, располагалось основное захоронение № 296. Погребенный положен на левый бок головой на север, левая рука согнута в локте и покоится на скелете младенца (погр. 295), находившегося перед черепом основного захоронения, а правая рука вытянута на восток к погребальному инвентарю, помещавшемуся в восточной части камеры. В состав этого инвентаря входили пять керамических сосудов (рис. 6, внизу), два сосуда, выточенных из камня — один из беловатого, другой из розового (рис. 4, 18), медная булавка-лопаточка, 10 бирюзовых пронизок и плоский черешковый медный ножичек. Последний лежал среди костей передней части молодого

Рис. 5. Керамика из слоя Алтын 9

барана, помещенной у восточной стены камеры, тогда как челюсть и часть позвоночника того же животного располагались перед черепом основного погребения.

Керамический комплекс слоя Алтын 10 (рис. 7) содержит те же две основные группы керамики, что и горизонт Алтын 9, хотя рисунок сосудов с полихромной росписью здесь более укрупненный, напоминающий керамику верхних слоев Чонг-депе¹⁰. Наряду с геометрическими орнаментами встречаются стилизованные под прямоугольники фигуры козлов, отдельные фрагменты по рисунку подражают керамике карадепинского стиля. Среди других находок следует отметить терракотовые фигурки животных, в том числе весьма выразительную скульптурку козла, изящ-

¹⁰ В. И. Сариянди. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении..., табл. XIII.

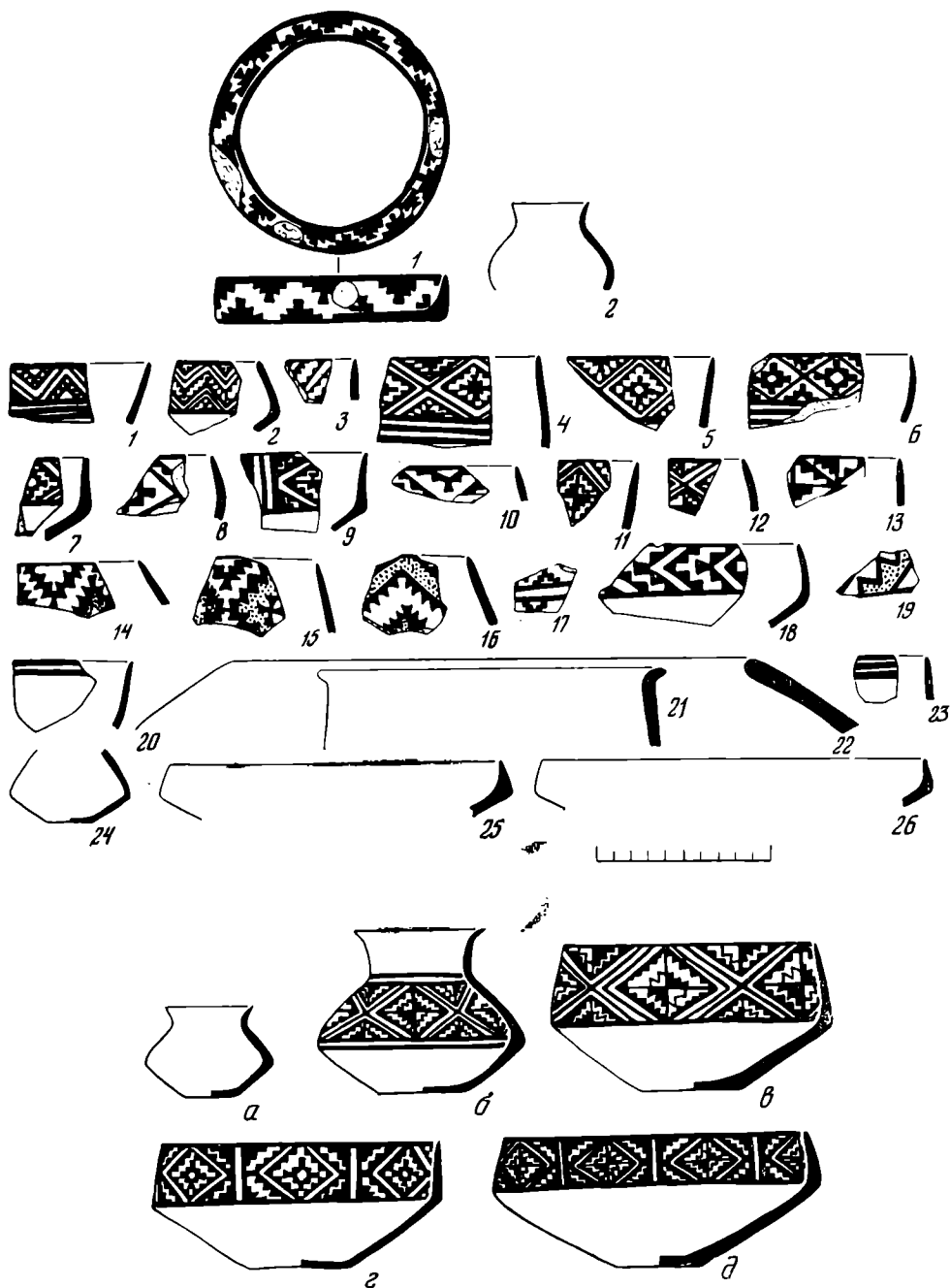

Рис. 6. Керамика из слоев Алтын 9 (вверху) и Алтын 10 (внизу)

ные фигурки сидящих женщин и фрагмент терракотовой коробочки, покрытой снаружи углубленным геометрическим орнаментом.

Следующий слой — горизонт Алтын 11/12 содержит строительные остатки, не дающие четкой планировки. Расписная керамика этого слоя выдержана в хороших традициях геоксюрского стиля. Правда, один фрагмент сосуда шаровидной формы с дробной сетчатой росписью может рассматриваться как своего рода реплика карадепинской расписной керамики¹¹. Помимо терракотовых фигурок женщин и различных животных

¹¹ См. на Кара-депе сосуды аналогичной формы и орнаментацию этого типа (В. М. Массон. Кара-депе у Артыка, ТЮТАКЭ, X, 1960, табл. XXV, 18; XXXIV, 4; XXXVI, 7).

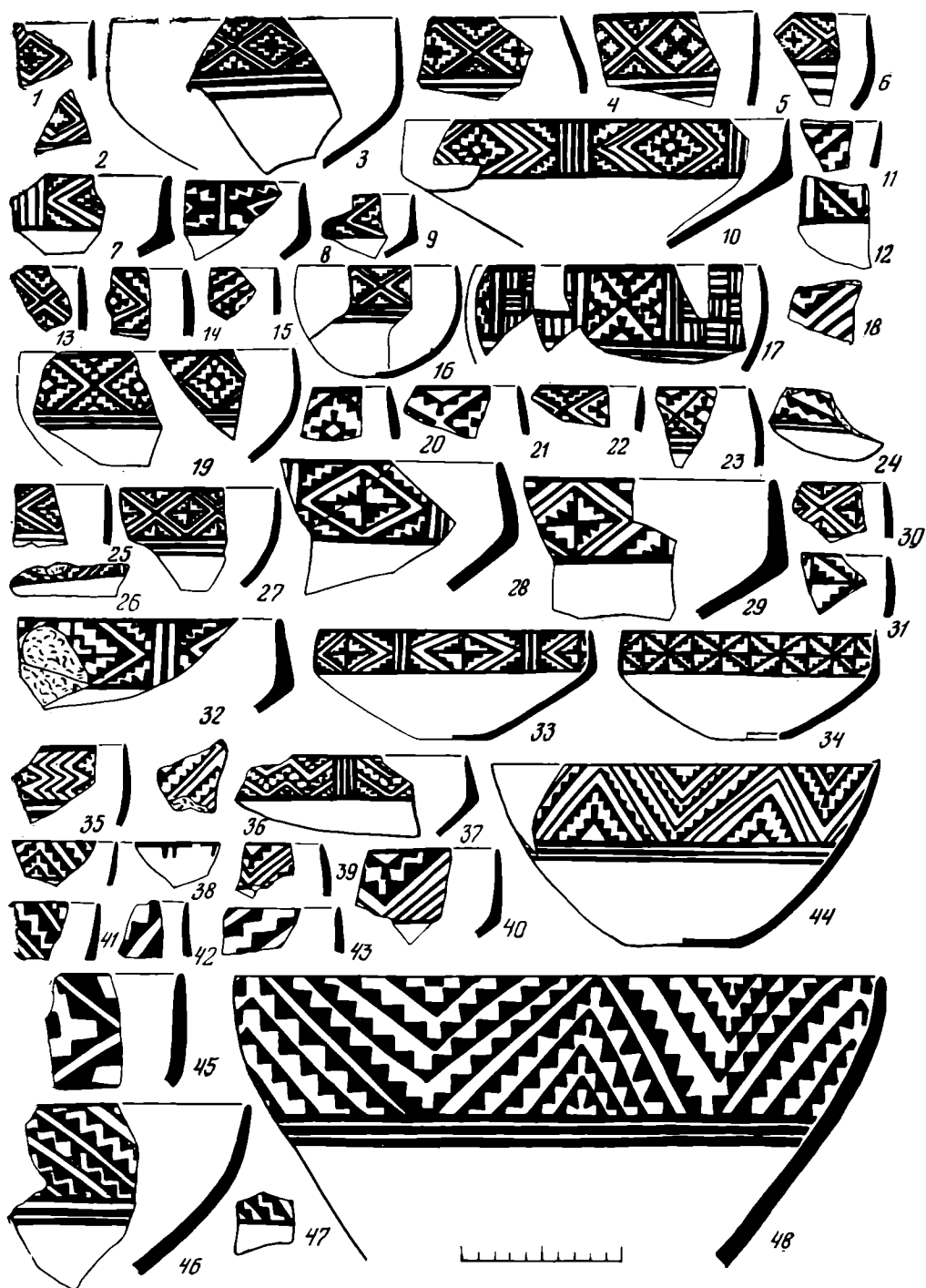

Рис. 7. Керамика из слоя Алтын 10

в этом слое обнаружены терракотовые пряслица конической формы, фрагменты каменных сосудов и плоская пуговицеобразная поделка из необожженной глины с нанесенным на одной стороне крестообразным орнаментом.

Выразительную керамику геоксюрского стиля дает слой Алтын 13, где вместе с тем имеются фрагменты красноангобирванных сосудов, расписанных красной же краской, с неясным, как бы потекшим рисунком. Этот вид керамики скорее всего является весьма ранним, характе-

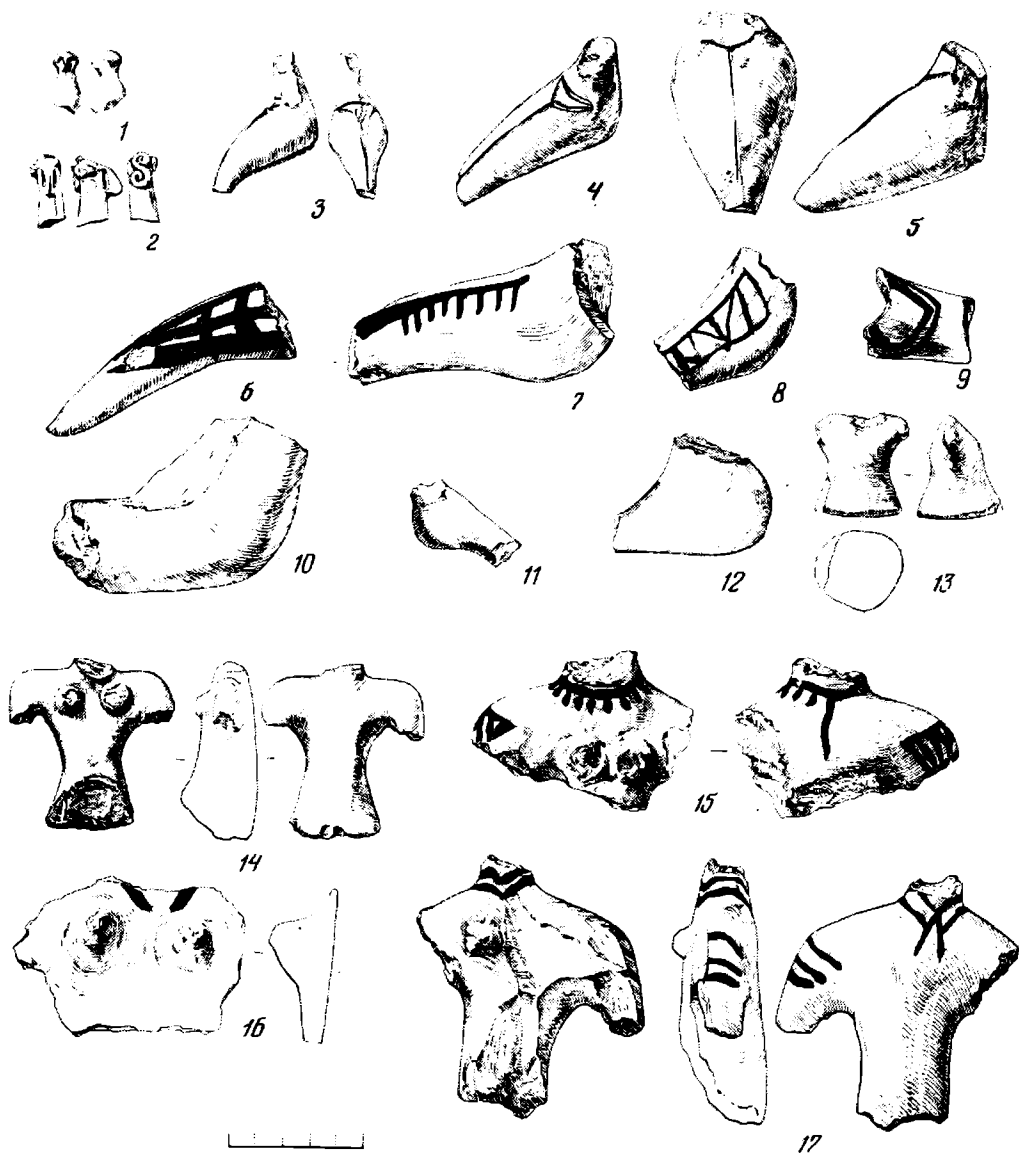

Рис. 8. Терракотовые статуэтки

ризующим начальные этапы формирования геоксюрского керамического комплекса¹².

Среди зооморфной и антропоморфной пластинки этого горизонта выделяются массивные женские фигурки из глины с большой примесью самана, иногда покрытые расписными узорами (рис. 8, 8, 15, 16). Эта группа терракот в комплексах геоксюрского типа является наиболее ранней¹³, тесно связанной со скульптурными традициями поры среднего энеолита¹⁴.

Наконец, небольшой слой, представленный мусорными отложениями с большим количеством зольников и охватывающий XXXIII ярус, был

¹² И. Н. Хлопин. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.—Л., 1964, стр. 35, 36, 122, 123.

¹³ В. И. Сарияниди. Памятники позднего энеолита..., стр. 32, 33.

¹⁴ В. М. Массон, В. И. Сарияниди. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы М., 1973, стр. 16.

выделен в горизонт 14. Он содержит нерасписную краснолощенную керамику с темными пятнами на наружной поверхности, близко напоминающую посуду третьего слоя на поселении Геоксюр I, отделяющего наслоения с посудой геоксюрского стиля от нижних горизонтов с керамикой ялангачского типа¹⁵. находка в нижней части массивной женской статуэтки с темно-коричневой росписью по красному ангобу свидетельствует о распространении терракот архаического типа.

Отсутствие в горизонте 14 строительных остатков отражает изменение характера культурных напластований, прорезаемых раскопом 1. Если до сих пор в пределах раскопа находилась сравнительно плотно застроенная часть поселения, то теперь ее сменяют мусорные слои окраины поселка, постепенно приобретающие наклонный характер. На разрезе ясно видно, как мусорные слои, и прежде всего мощные зольники, спускаются вниз по склону древнего края холма. По существу сравнительно мощная стена, обнаруженная в XXXIV—XXXV ярусах и выделенная в горизонт Алтын 15, представляет собой нечто вроде окраинного забора-дувала, за которым уже начиналась свалка мусора.

В слое Алтын 15 довольно много керамики с красной лощеной поверхностью, покрытой черными пятнами. Весьма характерны сосуды с росписью параллельными линиями вдоль венчика, имеется фрагмент с изображением треугольника с сетчатым заполнением типа расписной керамики, наиболее выразительно представленной в пятом слое Геоксюра 1¹⁶. Конические терракотовые пряслица, фигурки животных как из обожженной, так и из необожженной глины и торс крупной женской статуэтки с ожерельем на шее, переданным черной краской, нанесенной на красный ангоб, дополняют характеристику этого комплекса.

Ниже в рассматриваемом разрезе строительные остатки полностью отсутствуют. Так, наслоения XXXVI яруса представляют собой смыв с холма, оставшегося вне пределов шурфа, состоящий из глинистых отложений, включающих обломки керамики, угольки и куски сырца. Ниже следуют горизонтальные слои, характер которых ясно указывает, что перед нами горизонтальная подошва древнего холма, на которую в период дождей стекали потоки с холма-тепе, приносящие кое-какие остатки культурной деятельности человека. Эти слои были пройдены в XXXVII—XXXIX ярусах, где идет слоистая или комковатая глина, нередко зеленоватого цвета, указывающего на наличие стоячих вод. Вместе с тем в состав слоя здесь постоянно входят черепки или кусочки углей. В XL ярусе эти отложения сменяют горизонтальные слои глины, не содержащие каких-либо следов человеческой культуры. Необходимо отметить, что культурные слои кончились на глубине 4,5 м ниже современной поверхности, окружающей Алтын-депе.

Естественно, что керамический комплекс из XXXVI—XXXIX ярусов сравнительно беден. Однако находки венчиков тонкостенных сосудов с росписью параллельными линиями вдоль венчиков и кусков толстостенных хумов с обильной примесью в глине самана и темно-коричневой росписью на светлом фоне указывают на принадлежность этой керамики к комплексам ялангачского типа, относящимся к поре среднего энеолита.

Таким образом, стратиграфические работы на раскопе 1 дали достаточно четкую колонку смены культурных комплексов, явившуюся опорной для всего Алтын-депе в целом. Вместе с тем шурф, заложенный в пределах разведочной траншеи, прошел вне пределов нуклеарной части древнего поселения. Однако даже тот фрагментарный материал, который был получен из нижних ярусов шурфа, позволял заключить, что, по всей

¹⁵ В. И. Сарияниди. Энеолитическое поселение Геоксюр..., стр. 271, 272.

¹⁶ В. И. Сарияниди. Энеолитическое поселение Геоксюр..., табл. VIII, 14—25; И. Н. Хлопин. Памятники развитого энеолита..., стр. 21, рис. 5.

вероятности, «холм ремесленников» не был обжит в сколько-нибудь значительных масштабах в период раннего энеолита, характеризуемого комплексами типа Намазга I. Эти ранние наслоения следовало искать в центральной части Алтын-депе, где значительно большая высота всхолмлений позволяла предполагать наличие в нижних слоях культурных горизонтов, не представленных на более низком «холме ремесленников».

Работы на стратиграфическом шурфе раскопа 11, расположенном в ложине у южных склонов «холма вышки», полностью подтвердили это предположение. Довольно глубокая ложина позволяла надеяться сразу на вскрытие непосредственно энеолитических наслоений, минуя горизонты времени Намазга IV и V. Шурф в этой ложине был заложен еще в 1960 г., но тогда сильные дожди позволяли его углубить всего на 2,5 м¹⁷. В 1971 г. шурф был заложен на новом месте и доведен до материка, встреченного здесь на глубине 13,5 м, или на 8,5 м ниже окружающей равнины (рис. 9). Поскольку максимальная высота «холма вышки» составляет 22 м, можно заключить, что наибольшая мощность культурных слоев Алтын-депе достигает по крайней мере 30 м.

Первые два яруса этого шурфа содержат плотные натечные слои с керамикой типа Намазга V и частично типа Намазга IV, попавшей сюда в результате смыва с более высоких частей поселения. Особенно характерны следы мощного потока, принесшего большое число галек и крупных кусков керамики, четко устанавливаемые во второй половине II яруса. Ниже сразу же начинаются наслоения энеолитической эпохи, содержащие остатки сырцовых строений. По характеру расписной керамики они достаточно четко могут быть расчленены на три комплекса: с посудой геоксюрского стиля (III—XI яруса), с посудой ялангачского типа (XII—XVI яруса) и с керамикой типа Намазга I (XIX—XXVIII ярусы).

Для наслоений первого комплекса характерно наличие сырцовых строений с четкими промазками полов, представленных четырьмя горизонтами. Вместе с тем, судя по характеру строительных завалов, обычно заполняющих такие строения, можно, видимо, говорить еще о двух горизонтах, хотя сами стены соответствующих построек оказались вне пределов шурфа. Одному из них, с нашей точки зрения, соответствует завал, отмечаемый в конце III и в IV ярусах, а другому — завал V—VI ярусов, что в целом позволяет говорить для слоев с геоксюрской керамикой о шести строительных горизонтах общей мощностью 4,25 м. Первый из этих горизонтов содержит расписную керамику типичного позднегеоксюрского облика, а также привозную посуду карадепинского типа, что позволяет достаточно определенно синхронизировать этот горизонт со слоем Алтын 9. Отметим находку здесь фрагмента терракотовой коробочки с резной орнаментацией на наружной стороне. В этих наслоениях нашего шурфа, как и в слоях V яруса, число фрагментов керамики геоксюрского стиля с полихромной орнаментацией весьма ограничено. Совершенно ясно, что этому комплексу полностью соответствуют находки из V яруса шурфа 1960 г., среди которых также имеется импортная карадепинская посуда, в том числе фрагмент с изображением барсов¹⁸. Последующие пять горизонтов соответствуют четырем горизонтам раскопа I (слои Алтын 10, 11/12, 13 и 14), что указывает на более интенсивное обживание в соответствующий период именно «холма вышки», где культурные наслоения с геоксюрской керамикой оказались и более мощными. Общая эволюция расписной керамики, наблюдаемая в этих горизонтах шурфа на раскопе 2, в целом та же, что и устанавливаемая на раскопе 1. По мере углубления число сосудов с полихромной росписью увеличивается, орнаментальные элементы становятся более крупными. Нередко встречаются стилизованные рисунки козлов с прямоугольным

¹⁷ В. И. Сарияниди. Памятники позднего энеолита..., стр. 8, 27.

¹⁸ В. И. Сарияниди. Памятники позднего энеолита..., табл. XVI, 1—26.

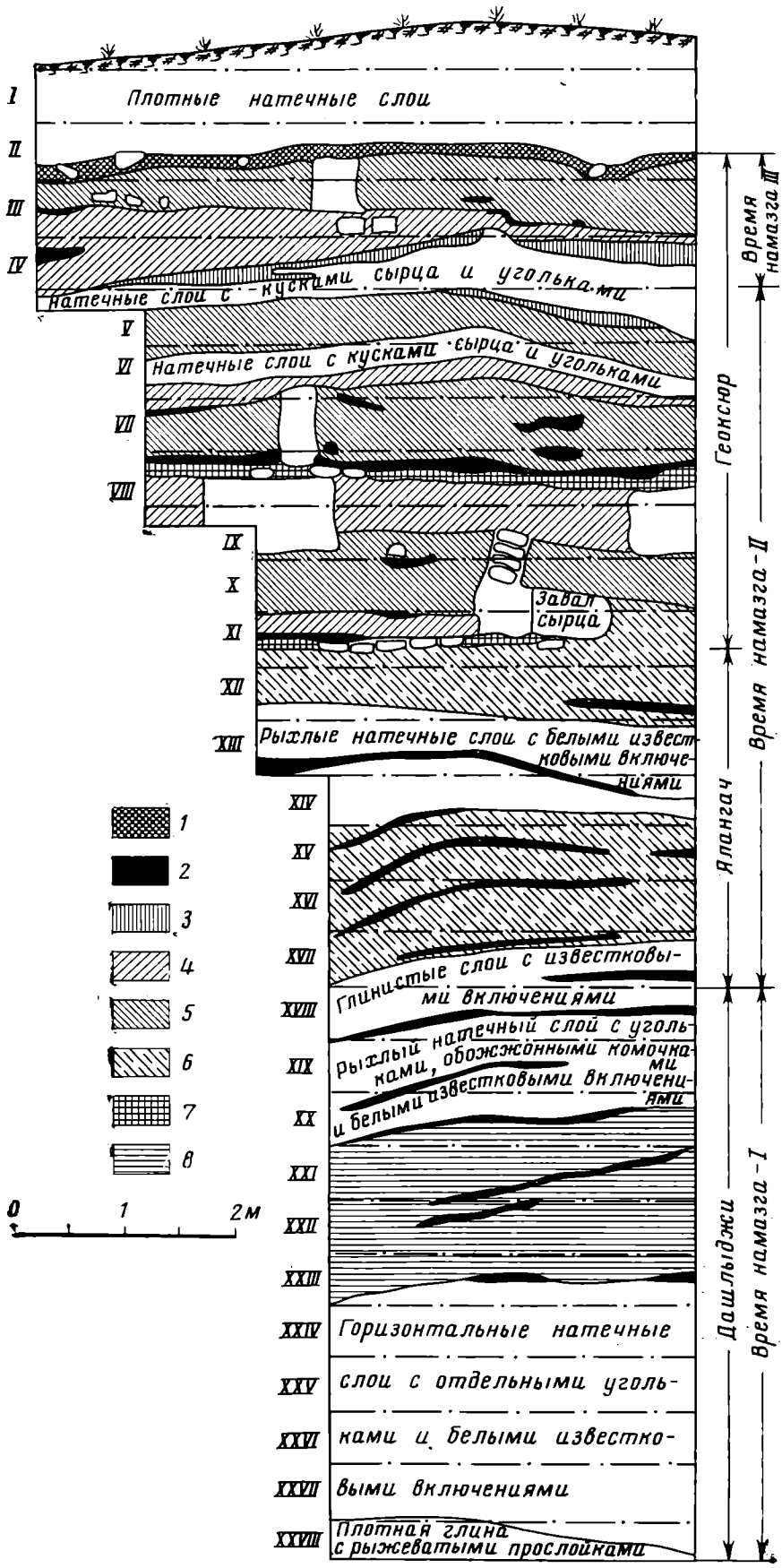

Рис. 9. Профиль шурфа на раскопе 11. 1 — натечный слой с большим количеством керамики и крупной гальки; 2 — зольники; 3 — зеленоватая земля с белыми известковыми включениями; 4 — натечные слои с кусками сырцового кирпича; 5 — завал мелких материалов разрушения с кусками сырца и угольками; 6 — рыхлые мусорные слои с коричневыми прослойками, белыми известковыми включениями, угольками и золой; 7 — нивелировочная заливка под полом; 8 — плотные натечные слои с большим количеством угольков, комков обгорелой земли и зеленоватой глины

туловом. Среди керамики самого нижнего строительного горизонта, охватывающего X и половину XI яруса, представлены фрагменты красноангобированных чаш с как бы потекшим рисунком, аналогичные образцы керамики, обнаруженной на раскопе 1 в слое Алтын 13.

Ниже характер культурных наслоений резко изменился. Какие-либо строительные остатки или завалы здесь практически отсутствуют; их сменяют рыхлые мусорные слои с включениями золы и угольков, перемежающиеся с рыхлыми натечными слоями. Несколько наклонное падение этих слоев показывает, что здесь, как и на раскопе 1, наш шурф в нижних ярусах вышел на мусорные отвалы, накапливавшиеся на склонах древнего поселения, тогда как нуклеарная часть самого поселка оказалась вне пределов раскопа. Как уже отмечалось, со второй половины XI и XVII ярус идут слои с керамикой ялангачского типа, украшенной в основном росписью в виде параллельных полос вдоль венчика. При этом с XIV яруса решительно преобладает керамика с черной росписью по красному фону. Отметим находку в XII ярусе двух черепков с полихромной росписью, явный импорт из района Кара-депе — Намазга-депе¹⁹ и в XV и XVII ярусах торсы крупных пышнотелых женских фигурок, покрытых красным ангобом и украшенных черной росписью.

Тот же характер мусорных и натечных слоев, перемежающихся с зольными линзами и имеющих отчетливо выраженный наклон, сохраняется и в XVIII—XXIII ярусах, содержащих расписную керамику типа Намазга I в ее позднем, дашлыджинском варианте (рис. 10). Хотя наблюдается генетическая связь с ялангачской посудой в целом, несколько увеличивается число сосудов с росписью по светлому фону, появляются миски с внутренней росписью, конические донца. В XVIII ярусе найден фрагмент небольшой чаши-ситечка со сквозными отверстиями на дне, а в XXII—XXIII ярусах — венчики толстостенных открытых чаш, украшенных с наружной стороны рельефным волнообразным орнаментом. Отметим также находку в XXI ярусе костяной проколки, и в XIX ярусе плоского медного предмета неясного назначения.

Наконец, в XXIV—XXVII ярусах идут горизонтальные натечные слои с отдельными угольками и белыми известковыми включениями. Это древняя подошва холма, который образовывал наиболее раннее поселение на Алтын-депе, оставшееся далеко за пределами нашего шурфа. Количество фрагментов керамики в этих отложениях, естественно, минимально, но все они относятся к посуде типа Намазга I. Материк в шурфе раскопа 2 представлен плотной глиной с рыжеватыми, как бы ржавыми прослойками.

В 1974 г. с целью определения размеров поселения в пору бытования керамики геоксюрского стиля в западной и южной части Алтын-депе были проведены раскопки разведочных шурфов, причем на двух из них работы велись традиционной лопатой, а на третьем была применена установка глубинного бурения УГБ-50М²⁰. Сама установка, рабо-

¹⁹ Об этом импорте см.: В. М. Массон. Энеолит южных областей. Средней Азии. САИ — Б 3—8, ч. II, 1962, стр. 19, 20.

²⁰ Применение установки было произведено по совету и при любезном содействии геологов Ю. Н. Моментьева и К. Н. Юргенсона.

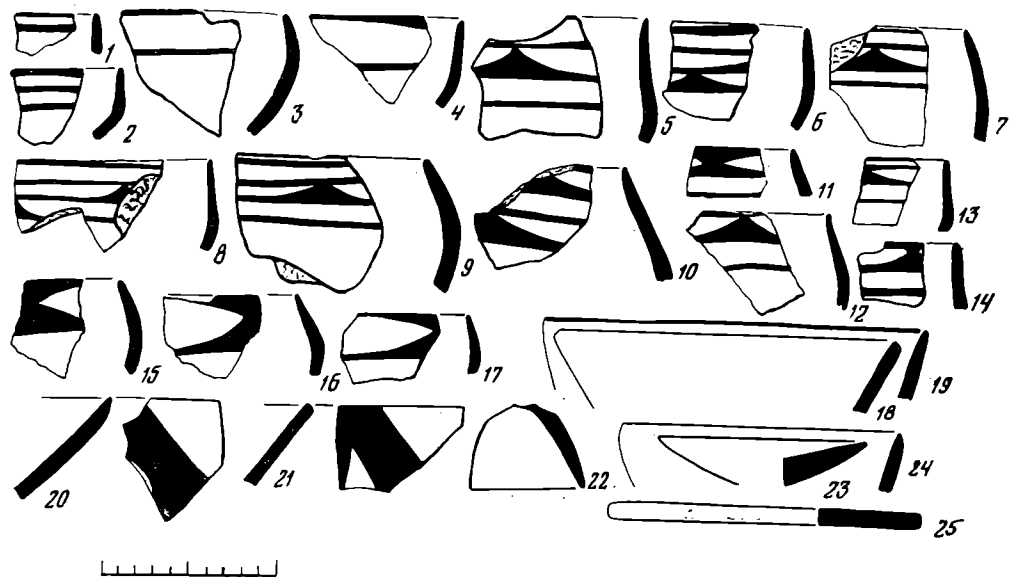
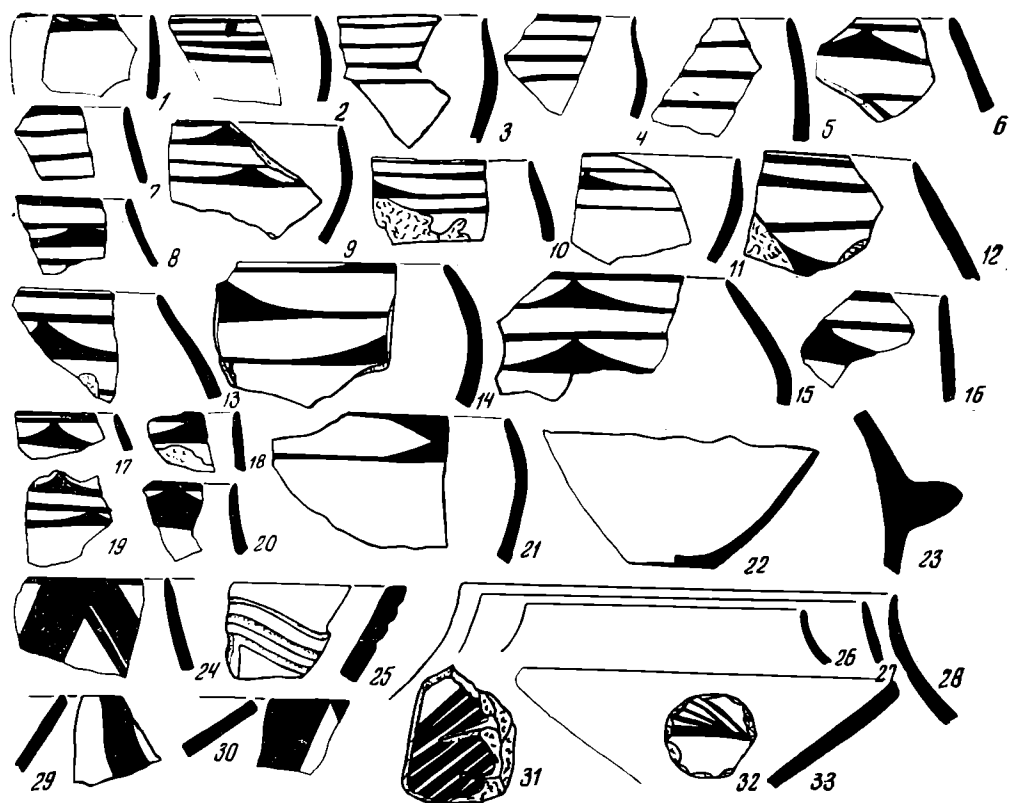

Рис. 10. Керамика типа Намазга I из шурфа на раскопе 11

тая буром диаметром 65 см, вынимает при этом образцы породы через каждые 50 см, что полностью соответствует традиционным ярусам, используемым в среднеазиатской археологии. Тщательная разборка грунта показала, что даже крупные образцы керамики при этом оказываются практически неповрежденными, а культурные слои мощностью 12 м были пройдены за 3 часа.

Произведенный опыт показывает высокую эффективность и научную рентабельность применения подобной установки при разведочной шурфовке поселений с культурными отложениями более 10 м.

Намазга-депе	Геоксюрский оазис	Алтын - депе				Горизонт	
		Характер керамики (тип, композиция)	Раскол 1 ("холм ремесленников")	Шурф 3 ("холм жилых кварталов")	Раскол 11 ("холм вышки")		
Намазга V	Халуз - депе Ярус I - II	Керамика типа Намазга V	Алтын 1	I - V Ярус	I - II Ярус	1 м	
			— II — 2			2	
			— II — 3			3	
Намазга IV	Халуз - депе Ярус III - IV	Керамика типа Намазга IV	Алтын 4	VI - X Ярус		4	
			— II — 5			5	
			— II — 6			6	
			— II — 7			6	
Намазга III	Чонг - депе	Керамика Геоксюрского типа	Алтын 9	XI - XIII Ярус		б	7
			— II — 10				8
Намазга II	Геоксюр I	Керамика Алангачского типа	— II — 11/12	XII - XVII Ярус		строительных горизонтов	9
			— II — 13		10		
			— II — 14		11		
			Алтын 15		11		
		XXXVI - XXXIX Ярус	12				
		— II — 6	12				
		— II — 7	13				
Намазга I	— II — 8 — II — 9 — II — 10	Керамика типа Намазга I	Материк	XVIII - XXVII Ярус	Материк	14	
						15	
						16	
						17	
						18	
						19	
						20	

Рис. 11. Сводная стратиграфия Алтын-депе

Шурф 3, отрытый таким способом, был заложен в южной части «холма жилых кварталов». К сожалению, большое количество зольников в верхних слоях делало небезопасным зарисовку выявленного шурфом разреза, что в принципе вполне возможно, если учесть достаточный диаметр шурфа. В целом классификация керамики из шурфа 3 выявила следующую картину. С I по V ярус идет керамика типа Намазга V, а ниже с VI по XI ярус керамика типа Намазга IV. В XII ярусе обнаружен фрагмент расписного сосуда карадепинского стиля, что позволяет синхронизировать этот уровень с горизонтом Алтын 9. Начиная с XI яруса в шурфе идут мощные культурные слои с керамикой геоксюрского стиля. Обломки сырьцового кирпича, поднимаемые буровой установкой, свидетельствуют о существовании здесь строительных остатков. В XXII—XXIII ярусах посуда с полихромной росписью исчезает полностью, но зато многочисленна керамика с красной лощеной поверхностью, покрытой черными пятнами, аналогичная посуде из горизонта Алтын 14. Материк на этом участке представлен желтоватой глиной. Таким образом, установлено, что данный участок был обжит лишь в период зарождения керамики геоксюрского стиля.

Второй шурф был заложен на раскопе 8 у въезда на центральную площадь, на южной окраине Алтын-депе, где еще в 1969 г. были найдены

фрагменты энеолитической керамики²¹. Раскопки 1974 г. показали, что посуда геоксюрского стиля встречается в слое с керамикой типа Намазга IV в довольно значительном количестве, видимо, будучи перемещенной из более нижних горизонтов. Наконец, на западной окраине Алтын-депе на склоне был заложен шурф 2, где выявлено пять строительных горизонтов. Три верхних горизонта содержали расписную керамику типа Намазга IV. В четвертом горизонте представлена расписная керамика того вида, который был выявлен в слое Алтын 9, а в пятом идет яркий комплекс посуды геоксюрского стиля, в том числе полихромной. Помимо керамики в шурфе 2 было найдено медное шило, терракотовая фигурка козла, изящная женская статуэтка и головка женской фигурки со сложными S-образными завитками (рис. 7, 2) — прием, достаточно обычный для позднеэнеолитической скульптуры Южного Туркменистана²².

Таким образом, проведенные раскопки позволяют составить сводную стратиграфическую колонку Алтын-депе и ввести ее в систему стратиграфии раннеземледельческих памятников Южного Туркменистана. Синхронизация отдельных раскопов и шурфов Алтын-депе частично отмечалась выше и может быть представлена сводной таблицей (рис. 11).

Стратиграфические соответствия наиболее ранних слоев, содержащих расписную керамику типа Намазга I, весьма определены — это прежде всего нижние слои поселения Геоксюр I²³ и комплекс Дашлыджи-депе в геоксюрском оазисе²⁴. В обоих случаях это поздний этап развития расписной керамики соответствующего типа. Столь же отчетливые восточные параллели имеет керамика ялангачского типа, обнаруженная на Алтын-депе, — это опять-таки поселение Геоксюр I (слой Геоксюр 4—7) и многочисленные поселения геоксюрского оазиса. Находки фрагментов керамики с полихромной росписью типа Намазга II подтверждают синхронизацию этих наслоений с комплексами типа Намазга II — Анау II на памятниках западной группы. Определенные уточнения для стратиграфических соответствий позднего энеолита Южного Туркменистана дают материалы, происходящие из слоев с посудой геоксюрского типа на Алтын-депе. Как известно, на самом Геоксюре I эта яркая и нарядная расписная керамика обнаружена вместе с импортной керамикой типа Кара 2²⁵ или финального Намазга II, и на Чонг-депе керамический местный комплекс с чертами определенной эволюции сопровождается находками импортной керамики типа Намазга III. Детальное ознакомление с соответствующими материалами показывает, что в верхних слоях Чонг-депе представлена в основном посуда типа Кара IB или раннего Намазга III²⁶. В этом отношении комплекс Алтын 9, в стилистическом отношении по характеру дробной орнаментации явно более поздний в сравнении с керамикой Чонг-депе и сопровождающийся находками импортной керамики типа Кара IA (позднее Намазга III), скорее всего представляет собой финальный этап развития керамического комплекса геоксюрского типа. Видимо, к этому финальному этапу следует относить те слои памятников восточной группы, где наряду со все сокращающейся в числе посудой с полихромной росписью геоксюрского стиля встречается именно эта импортная посуда. С нашей точки зрения это определяло и конец энеолитической эпохи в этой области вообще и на Алтын-депе

²¹ В. М. Массон. Раскопки на Алтын-депе в 1969 г..., стр. 10.

²² В. И. Сарияниди. Памятники позднего энеолита..., стр. 33; В. М. Массон. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-тепе. СА, 1962, 3, стр. 163.

²³ В. И. Сарияниди. Энеолитическое поселение Геоксюр..., табл. VIII.

²⁴ И. Н. Хлопин. Энеолит южных областей Средней Азии. САИ, БЗ—8, ч. I, 1963, табл. XX.

²⁵ В. И. Сарияниди. Памятники позднего энеолита..., табл. VII; В. М. Массон. Памятники развитого энеолита..., табл. XIX.

²⁶ В. И. Сарияниди. Памятники позднего энеолита..., табл. XIV, 1—38.

в частности и составляло условную грань между комплексами времени Намазга III (поздний энеолит) и Намазга IV (ранняя бронза), которые по всем данным, в том числе и по результатам статистической обработки керамических комплексов²⁷, тесно связаны друг с другом в генетическом отношении. Таким образом, стратиграфия энеолитических наслоений Алтын-депе, рисующая картину последовательного культурного развития, не только находит прямые соответствия в других памятниках Южного Туркменистана, но и позволяет провести определенные уточнения общей картины, достигшей уже значительной сложности и дробности.

Абсолютная хронология энеолитических комплексов Южного Туркменистана до более детальных исследований остается пока в рамках традиционных дат от V тысячелетия до н. э. до начала III тысячелетия до н. э.²⁸ Для комплексов геоксюрского типа на Геоксюре I были получены радиоуглеродные даты 2860 (± 100) г. до н. э. и 2490 (± 100) г. до н. э. на Алтын-депе слои позднего Ялангача датированы 3160 (± 50) г. до н. э. Если применять иную систему поправок к соответствующим определениям, сторонниками которой выступает сейчас ряд исследователей Ирана²⁹, то соответствующие даты будут для раннего Геоксюра 3240—3410 гг. до н. э., а для позднего Ялангача 3810 г. до н. э., что в принципе соответствует датировке слоев Шахри-Сохте I, где найдена импортная керамика южнотуркменистанских типов³⁰. Из других моментов укажем на находки в Тали-Иблисе в Юго-Восточном Иране типичной керамики Кара 4 в слое, датированном радиоуглеродным анализом без удлиняющего пересчета 3645 $\pm$ 59³¹.

Раскопки ранних наслоений Алтын-депе позволяют в известной степени охарактеризовать и развитие этого поселения (рис. 12). Пока наиболее ранние материалы, происходящие с этого памятника, могут быть отнесены лишь к поздним этапам существования комплекса типа Намазга I, но не исключено, что где-то в толще культурных наслоений этого огромного памятника погребены остатки небольшого поселка еще более значительной древности. Во всяком случае район Меана-Чаача был освоен оседлой культурой на среднем этапе джейтунской культуры, а к позднему ее этапу здесь относятся уже три памятника — Чагыллы-депе, Монджуклы-депе и Гадыми-депе³², причем два первых располо-

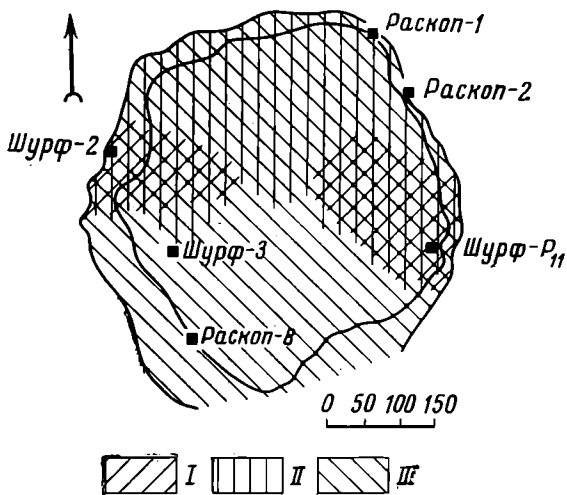

Рис. 12. Схема роста Алтын-депе. I — распространение слоев раннего энеолита (комплекс типа Намазга I); II — слои среднего энеолита (комплекс типа Ялангача); III — слои позднего энеолита (комплекс типа Геоксюра)

²⁷ Л. Б. Курчо. Стратиграфия Алтын-депе и количественный метод определения относительной хронологии. КД, IV, 1972.

²⁸ В. М. Массон. Кара-депе у Артыка..., стр. 378, 379.

²⁹ G. F. Dales. Archaeology and Radiocarbon Chronologies for protohistoric South Asia. In: South Asian Archaeology. London, 1973.

³⁰ C. C. Lamberg-Karlovsky, M. Tozi. Op. cit., p. 25, 26.

³¹ J. R. Caldwell. Investigations at Tal-i Iblis. Illinois, 1967.

³² О. Бердыев. Чагыллы-депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966; Г. Ф. Коробкова, В. Т. Воловик. Гадыми-депе — новый памятник джейтунской культуры. УСА, 2, 1972.

жены неподалеку от самого Алтын-депе. Все это небольшие поселки площадью не более 0,5 га. Двумя памятниками, также небольшими, представлена здесь и предшествующая комплексам типа Намазга I эпоха Анау IA.

На самом Алтын-депе керамика типа позднего Намазга I встречена в шурфе раскопа 2 и в перемещенном состоянии в шурфе 3. Не исключено, что уже в это время поселение ранних земледельцев на территории Алтын-депе занимало площадь в несколько гектаров, представляя собой относительно крупный центр. Во всяком случае «холм вышки» был обжит, видимо, полностью и содержал многометровые культурные толщи, смыты с которых были вскрыты в шурфе на раскопе 2. Расписная керамика, терракотовые пряслица, сравнительно немногочисленные изделия из кости и меди составляют обычный набор объектов материальной культуры памятников этого времени. По характеру расписной керамики Алтын-депе тяготеет к восточной группе памятников, в которую входили также и поселения геоксюрского оазиса. Слои этого времени отмечены и на поселении Илгылы-депе, расположенном в 10 км к юго-востоку от Алтын-депе³³.

В следующий период, характеризующийся распространением керамики ялангачского типа, на Алтын-депе наблюдается увеличение обжитой территории, заметное даже на тех материалах, которые имеются в нашем распоряжении. В это время осваивается территория «холма ремесленников», и теперь уже жизнь на этом участке не прекращается до гибели всего городища. Весьма выразительны культурные напластования этого периода и в шурфе раскопа 11. Расписная керамика с росписью горизонтальными полосами вдоль венчика прочно вводит Алтын-депе в круг памятников восточной группы, и это его культурно-историческое положение дополнительно подчеркивается находками полихромной импортной посуды, происходящей из западных памятников, которая столь резко отличается от местной посуды. Восточные аналогии имеют и массивные терракотовые фигурки сидящих женщин. Покрытые светлым или чаще красным ангобом, эти фигурки нередко имеют черную роспись, передающую шейные ожерелья или образующую различные заштрихованные фигуры на плечах и на бедрах. На Алтын-депе эти фигурки обнаружены в наслоениях позднеялангачского времени, а раскопки на Геоксюре I показывают, что скульптура этого типа представлена в раннегеоксюрских слоях³⁴, как бы символизируя генетическую преемственность двух комплексов. Фигурки животных, зачастую весьма выразительные, антропоморфные статуэтки, глиняные пряслица конической формы дополняют характеристику объектов материальной культуры этого времени на Алтын-депе. Илгылы-депе также дает яркие материалы этого типа, причем по крайней мере в позднеялангачское время³⁵ территория поселения достигает максимальных размеров — 12 га. Вероятно, не меньшими были размеры одновременного поселения и на Алтын-депе.

Наконец, в геоксюрский период энеолитический Алтын достигает своего наивысшего расцвета. Прежде всего резко увеличивается территория поселения — именно в это время Алтын-депе формируется в тех параметрах, которые сохраняет и в дальнейшем, в эпоху бронзового века. Особенно примечательно заселение южной части памятника, где слои с керамикой геоксюрского типа лежат прямо на материке, как бы воплощая строительную экспансию разрастающегося поселения. Этот же уве-

³³ А. Ф. Ганялин. Холм Илгылы-депе. Тр. ИИАЭ ТуркмССР, V, 1959.

³⁴ В. И. Сарияниди. Памятники позднего энеолита..., стр. 32, табл. XX, 8, 13; XXIII, 10.

³⁵ В северной части памятника соответствующие наслоения были вскрыты в шурфе, заложенном А. Ф. Ганялиным, в южной части отмечены в 1966 г. при зачистке строительной траншеи ниже строительных остатков с керамикой геоксюрского типа.

ренный рост ощущается и на других участках Алтын-депе, где вскрылись позднеэнеолитические наслоения. Так, на раскопах 1 и 2 позднеэнеолитические дома перекрывают отвалы мусора, скопившегося на окраине ялангачского времени поселения, что свидетельствует об увеличении и здесь числа строений, охватывающих бывшие окраины. Тип застройки многокомнатными домами с внутридомными святилищами и круглыми в плане усыпальницами-толосами, расположенными поблизости, типичен для поселений геоксюрского оазиса этого времени. Качественные, структурные изменения самого поселения на имеющихся материалах едва ли могут быть отмечены, но количественный рост налицо. Различия в погребальном инвентаре, отмеченные для гробниц раскопа 1, скорее всего свидетельствуют и о сложной социальной структуре общества Алтын-депе этой эпохи. Примечательно, что соседнее поселение Илгынлы-депе сокращается в размерах уже в раннегеоксюрское время и полностью забрасывается в конце позднеэнеолитического периода. Скорее всего часть жителей этого, ранее достаточно крупного центра была поглощена растущим Алтын-депе, и этот процесс концентрации населения является одним из важных симптомов будущей урбанизации общества.

Для материальной культуры Алтын-депе позднеэнеолитического периода характерна расписная керамика геоксюрского стиля с постепенной трансформацией исходных элементов этого стиля в измельченный ковровый рисунок, характерный для местной посуды времени Намазга IV. Представлены также сосуды, выточенные из беловатого мраморовидного известняка, терракотовые коробочки со стенками, украшенными резной орнаментацией из фигур, крестов и полукрестов, и терракотовые фигурки сидящих женщин, иногда с подпрямоугольными плечами, характеризующиеся изяществом и плавностью линий, отличающимися их от массивных терракот позднеялангачского периода (рис. 8, 4). Весьма показательны и головки таких статуэток с крупным носом с горбинкой, миндалевидными углубленными глазами и S-образными завитками волос или подвесками (рис. 8, 2). Этот сравнительно стандартный набор практически идентичен материальной культуре Геоксюра I и Чонг-депе.

Поскольку в Южном Туркменистане в пору позднего энеолита сохранялось деление на две культурные провинции, следует признать, что по основным показателям Алтын-депе относится именно к восточной области. Вместе с тем необходимо отметить, что различия между двумя областями в сфере материальной культуры менее значительны, чем признаки культурной общности, объединяющие южнотуркменистанские памятники этой эпохи в единое целое. Многокомнатные дома, выточенные из камня сосуды, формы медных изделий, в частности так называемых лопаточек, стиль терракотовой скульптуры и детали ее отделки, традиция коллективных гробниц, сосуществующих с одиночными могилами — все это практически идентично на западе и на востоке. Отличия проявляются главным образом в расписной керамике; на западных памятниках распространяется посуда карадепинского стиля, а на восточных, в том числе и на Алтын-депе, — геоксюрского. При этом следует отметить, что отдельные элементы росписи, такие, как фигуры крестов, полукрестов, ступенчатых пирамидок и др., так же как отдельные композиционные решения, в обеих провинциях одинаковы и отличаются лишь различными сочетаниями и масштабом изображения. Так, на Кара-депе роспись более дробная и пестрая, а на Геоксюре господствует стремление к крупным геометрическим фигурам, не теряющимся в пестром орнаментализме. Поскольку керамика, сколь бы выразительна она ни была, составляет лишь один из элементов культурного комплекса³⁶,

³⁶ В. М. Массон. Каменный век Средней Азии и понятие археологической культуры. ИМКУ, 11, 1974.

в данном случае следует говорить о двух вариантах — карадепинском и геоксюрском — единой культурной общности или единой культуры.

Таким образом, Алтын-депе уже в пору позднего энеолита представляло собой крупный населенный центр с устойчивым набором элементов материальной культуры, повторяющимся почти на всей его территории. Естественным образом при этом встает вопрос о связи этого энеолитического поселения с городом бронзового века, каким стал Алтын-депе почти 1000 лет спустя. Не касаясь всех деталей этой проблемы, отметим вместе с тем вполне ощутимые линии преемственности, охватывающие ряд важных сторон материальной культуры. Так, овальный очаг позднеэнеолитического святилища аналогичен такому же очагу в одном из домов «квартала знати», относящемся ко времени Намазга V, причем и в этом последнем случае есть основания говорить о наличии внутридомового святилища. Весьма показательна связь и в погребальных обрядах: в эпоху бронзы на Алтын-депе, так же, как и в пору позднего энеолита, распространены коллективные гробницы, правда, сменившие свой круглый план на квадратный, а среди погребений всех видов старая, энеолитическая ориентация головой преимущественно на север явно преобладает. Отметим и такую деталь, как сохранение традиции изготовления терракотовых коробочек со стенками, покрытыми резным орнаментом³⁷. Таким образом, есть все основания говорить о сохранении в культуре Алтын-депе бронзового века ряда традиций энеолитической эпохи. Для более детального рассмотрения этого вопроса необходим подробный анализ комплекса времени Намазга IV, непосредственно формирующегося на основе этого энеолитического пласта, что особенно хорошо видно по расписной керамике³⁸ и терракотовой скульптуре³⁹. Но уже сейчас можно говорить об определенной линии преемственности энеолитического поселения и города бронзового века.

Это обстоятельство тем более показательное, что аналогичные элементы исходного энеолитического пласта могут быть прослежены в ряде археологических комплексов бронзового века на Среднем Востоке, явно отражающих урбанизационную стадию развития общества. Впервые вопрос подобных туркменистано-белуджистанских параллелей достаточно широко был поставлен на основе материалов Кветты⁴⁰, а позднее в Мундигака⁴¹. Теперь число памятников, отражающих культурные контакты племен Средней Азии и Среднего Востока «накануне урбанизации», существенно увеличилось.

Рассмотрим вопрос об этих связях и соответствиях в свете дробной стратиграфии, установленной на Алтын-депе и позволяющей с большим уточнением определять положение в системе относительной хронологии элементов, в которых обнаруживается то или иное сходство.

Исключительный интерес в этом отношении представляет Шахри-Сохте, где наиболее ранние материалы, лежащие непосредственно на материке, объединены М. Този в комплекс Шахри-Сохте I⁴², подразделяемый на три горизонта. Найденные в этом слое три цилиндра стиля Джемдет-Наср подтверждают общую датировку этого комплекса концом IV — первой третью III тысячелетия до н. э., поскольку цилиндры этого стиля нередко встречаются и в наслоениях раннединастической эпохи.

³⁷ В. М. Массон. Протогородская цивилизация..., стр. 182, рис. 14; А. Я. Щегенко. Работы Артыкского отряда..., стр. 416.

³⁸ Л. Б. Кирчо. Стратиграфия Алтын-депе...

³⁹ В. М. Массон, В. И. Саруаниди. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973, стр. 20, 21.

⁴⁰ В. М. Массон. Рец.: W. A. Fairervis. Excavations in the Quetta Valley. CA, 1960, 3; *его же*. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 6, 1964, стр. 437.

⁴¹ В. И. Саруаниди. Памятники позднего энеолита..., стр. 49, 50.

⁴² М. Този. Excavations at Shahr-i Sockta..., 1968. p. 287, 288; С. С. Lamberg-Karlovsky, М. Този. *Op. cit.*, p. 25, 26.

С самого начала раскопок исследователи обратили внимание на столь высокое сходство расписной керамики с южнотуркменистанскими образцами, что в ряде случаев следует говорить о почти полной идентичности⁴³. Правда, при этом в одних случаях говорится о сходстве с керамикой Кара-депе, в других — с посудой геоксюрского типа. По уточненным данным М. Този, расписная керамика комплекса Шахри-Сохте I распределяется следующим образом; посуда местного типа — 48,1%, посуда геоксюрского типа 27%, посуда типа Кечи-Бег (тип керамики Северного Белуджистана) — 24,7%. При этом распространение по слоям керамики так называемого геоксюрского типа дает следующие цифры: в горизонте 8 — 24,3%; в горизонте 9 — 31,9%; в горизонте 10 — 21%. Среди опубликованных образцов этой керамики имеется один фрагмент, как бы продолжающий традиции позднего Намазга II, представленного слоем Кара 2⁴⁴, часть материала имеет прямые аналогии в керамике раннего Намазга III (тип Кара IA)⁴⁵, а часть, в том числе с орнаментом в виде фигур, расположенных по способу аппликации, может быть сопоставлена с керамикой Алтын 9 и 10, представляющей собой поздние фазы развития посуды геоксюрского типа, отсутствующие на самом Геоксюре⁴⁶. Не исключено, что более детальное и послойное рассмотрение керамики Шахри-Сохте I позволит установить происхождение этих образцов из разных стратиграфических горизонтов. Таким образом, можно заключить, что керамика южнотуркменистанского круга в нижних слоях Шахри-Сохте может быть сопоставлена в основном с комплексами времени Намазга III, причем как западной, так и восточной культурной провинции. Находки в верхних слоях Шахри-Сохте женских глиняных фигурок, явно следующих традициям геоксюрско-карадепинской пластики⁴⁷ и в этом отношении близких терракотам времени Намазга IV, позволяет заключить, что соответствующий культурный параллелизм отнюдь не ограничивался одной расписной посудой.

Керамический комплекс Кветты в своей геометрической орнаментации несет следы отчетливых воздействий со стороны южнотуркменистанской керамики типа Намазга III и IV, что уже отмечалось в литературе и получило признание⁴⁸. По ориентировочным подсчетам такие аналогии могут быть прослежены почти в 25% типов орнаментации, а параллели женским терракотам и печатям подчеркивают сильный и неслучайный характер южнотуркменистанских связей. Таким образом, группа памятников в районе Кветты и Шахри-Сохте обнаруживает наиболее значительные связи с культурным комплексом южнотуркменистанских поселений.

Менее разнообразны, но также довольно отчетливые связи прослеживаются на группе южноафганистанских памятников — Мундигаке, Дех Мораси-Гхундай и Саид-Кале. В комплексе Мундигак III в расписной керамике отмечаются орнаменты, явно связанные с керамикой типа Кара IA⁴⁹, Кара IB⁵⁰, а также с традициями Алтына 8 и 9, что соответствует времени комплекса Намазга III и частично Намазга IV. В слое Мундигак IV, I имеется фрагмент с изображением пятнистого

⁴³ R. Biscione. Dynamics of an Early South Asian Urbanization..., p. 114.

⁴⁴ M. Tozi. Op. cit., fig. 37, n.; В. М. Массон. Памятники среднего энеолита..., табл. XII, 12.

⁴⁵ M. Tozi. Op. cit., fig. 37c, d.; В. М. Массон. Новые раскопки на Джейтуне и Кара-депе, СА, 1962, 3, рис. 8, 7, 8.

⁴⁶ M. Tozi. Op. cit., fig. 37, k и в настоящей статье рис. 8, 25—29.

⁴⁷ Ibid., p. 360, fig. 37. (Ср. В. М. Массон, В. И. Сарьяниди. Среднеазиатская терракота..., табл. XXIV, 6).

⁴⁸ В. М. Массон. Рец.: W. A. Fairervis Excavations in the Quetta-Valley. СА, 1960, 3, стр. 350—352.

⁴⁹ J. M. Casal. Op. cit., fig. 54, 65; В. М. Массон. Кара-депе у Артыка..., табл. XXX, 1.

⁵⁰ J. M. Casal. Op. cit., fig. 54, 69; В. М. Массон. Ук. соч., табл. XXII.

барса (типичный мотив керамики позднего Намазга III), но вместе с тем имеется и посуда стиля Кветты, имеющая явные аналогии в южно-туркменистанской керамике времени раннего Намазга IV⁵¹. Рельефные каменные сосуды слоя Мундигак IV развивают в целом ту же орнаментальную традицию⁵². Примечательно наличие в слое Мундигак III и коллективных захоронений, столь обычных для позднеэнеолитического Туркменистана. Но гробницы Мундигака в плане подквадратные, как на Кара-депе, а не круглые, как на Геоксюре и Алтын-депе.

Судя даже по предварительной информации о раскопках Саид-калы, здесь представлена орнаментированная керамика, имеющая аналогии в комплексах Алтын 8 и 9, причем эти параллели приходится на два керамических типа — тип Мораси, рассматриваемый как местный, и тип Кветта, трактуемый как импортный⁵³. Судя по тексту отчета, керамика типа Кветты представлена на протяжении всей культурной толщи Саид-калы, имеющей мощность 7,5 м. Показательно большое число женских статуэток, найденных в нижнем слое и имеющих, по словам Дж. Шаффера, прямые среднеазиатские параллели⁵⁴. Обилие женских терракот как раз отличает южнотуркменистанские селения от синхронных памятников Ирана, и большое количество этих фигурок именно в нижних слоях может свидетельствовать о сильных проявлениях среднеазиатской традиции именно на ранних этапах, тогда как позднее женские терракоты в Саид-кале относительно редки.

Терракоты, изображающие сидящих женщин, явно выполненные в среднеазиатском (геоксюрском) стиле, в последние годы были обнаружены в ряде раннеземледельческих памятников долины Инда, предшествующих харапской культуре⁵⁵. Локализация этих памятников именно в северной зоне, т. е. в территориальной близости к южноафганистанским комплексам, свидетельствует в пользу того, что за этими аналогиями стоят реальные исторические контакты. Весьма примечательна стратиграфия Джалипура, расположенного в 50 км от Хараппы. Здесь в нижних слоях представлена грубая лепная посуда, постепенно сменяемая керамикой, изготовленной с помощью гончарного круга, причем отдельные черепки, по словам М. Мугала, имеют ближайшие параллели в Мундигаке III⁵⁶. В этих же наслоениях имеются и терракоты геоксюрского типа.

Приведенные параллели и аналогии, детальный разбор которых несколько затруднен предварительным характером многих сообщений и публикаций, прежде всего могут свидетельствовать о направлении идущих связей. Ж. М. Касаль в свое время активно выступил с гипотезой о сложении керамики стиля Кветты в Белуджистане на основе традиций Суз и распространения ее отсюда до Южной Туркмении⁵⁷. Однако легко можно видеть, что посуда с соответствующей росписью составляет в памятниках Среднего Востока лишь определенный процент в достаточно разнообразном местном комплексе, причем процент убывающий по мере удаления от территории Южного Туркменистана. То же следует сказать и про терракоту. В районе Кветты и в Саид-кале наряду со статуэтками геоксюрско-карапединского типа имеется и резко отличная от них терракота, в частности статуэтки так называемого зхобского

⁵¹ J. M. Casal. Op. cit., fig. 77, 269.

⁵² Ibid., fig. 135, *llc, d*.

⁵³ J. G. Shaffer. Preliminary Field Report on Excavations at Said Gala Tepe. Afghanistan, 1971, v. XXIV, № 2—3, p. 93.

⁵⁴ Ibid., p. 102.

⁵⁵ A. H. Dani. Excavations in the Gomal Valley. Ancient Pakistan 5. 1970—1971; G. F. Dales. Turkmenistan, Afghanistan and Pakistan. In: Propyläen Kunstgeschichte. Berlin, 1972, Abb. 83, S. 174.

⁵⁶ M. R. Mughal. New Evidence of the Early Harappan Culture from Jalipur. Archaeology, 1974, v. 27, № 2, p. 111—112.

⁵⁷ J. M. Casal. Fouilles de Mundigak, v. 1, p. 100, 115.

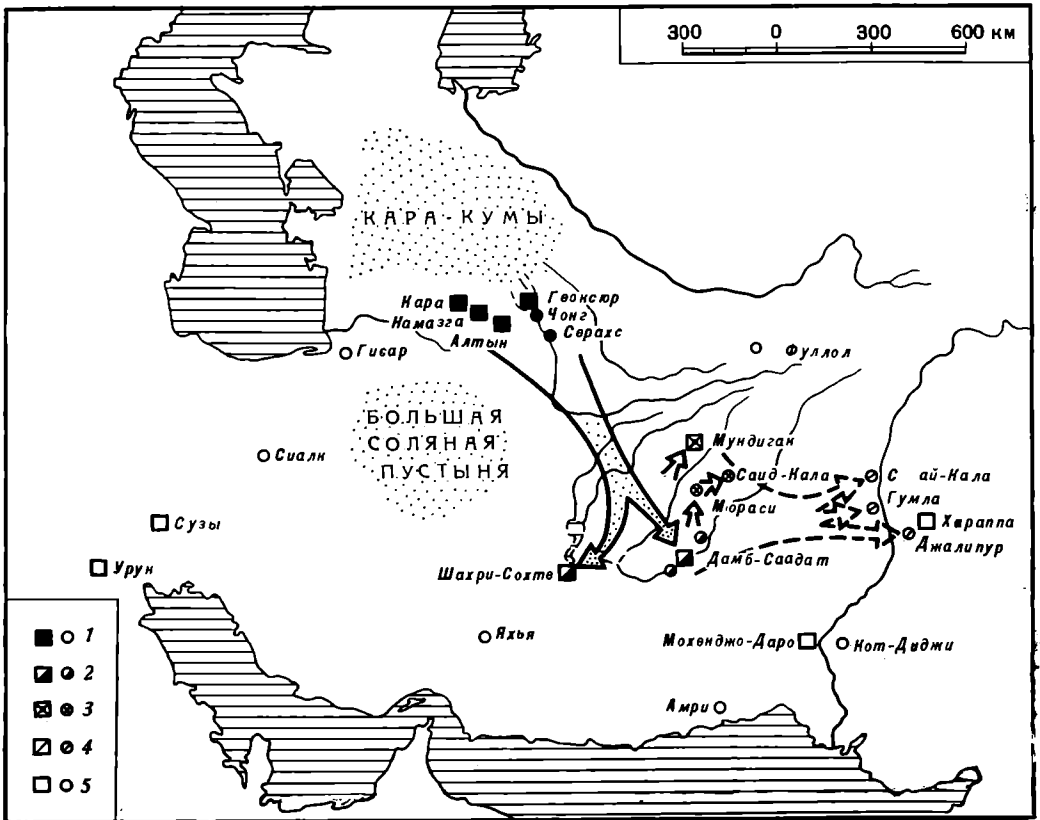

Рис. 13. Распространение южнотуркменистанских культурных элементов на Среднем Востоке. 1 — крупные и мелкие поселения южнотуркменской общности; 2 — поселения со значительными элементами южнотуркменской общности; 3 — поселения с редкими элементами южнотуркменской общности; 4 — поселения с единичными элементами южнотуркменской общности; 5 — прочие поселения

типа, иконографическое решение которых принципиально различно. В туркменистанских же памятниках именно керамика с геометрической росписью так называемого типа Кветты и местная терракота составляют основной комплекс, причем при всех элементах культурных связей с Месопотамией и Ираном⁵⁸ местное население и на Кара-депе, и в Геоксуре, и на Алтын-депе по целому ряду показателей продолжает предшествующие традиции. Было бы неточно говорить о воздействии на южнотуркменистанские керамические комплексы стиля Суз и Тали-Бакуна⁵⁹. И керамика геоксурского стиля, и посуда карадепинского типа как керамический комплекс представляют собой единое, законченное явление, в котором лишь отдельные элементы или мотивы, а отнюдь не стиль в целом, могут быть связаны с внутуркменистанской традицией.

Все это позволяет считать, что именно Южный Туркменистан был одним из центров активных культурных влияний, скорее всего связанных с расселением племен на Среднем Востоке в конце IV — первой половине III тысячелетия до н. э., — точка зрения, к которой сейчас склоняется значительное число исследователей⁶⁰. Поскольку из числа известных памятников эти влияния достигают особой силы в Шахри-Сохте и в кветтской группе памятников, следует полагать, что таково было основное направление этого движения (рис. 13). Эта мощная струя

⁵⁸ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток..., стр. 424—433; В. И. Сарциани-ди. Памятники позднего энеолита..., стр. 48—50.

⁵⁹ J. M. Casal. La civilisation de l'Indus et ses énigmes. Paris, 1969, p. 78.

⁶⁰ Помимо М. Този, К. Ламбер-Карловского и Р. Бишони см. также: С. F. Dales. Archaeological and Radiocarbon Chronologies for Protohistoric South Asia..., p. 166.

уже в несколько ослабленной степени достигает Мундикага III, хотя соответствующие традиции продолжают бытовать и в пору Мундикага IV, частично стимулируемые контактами с кветтской группой раннеземледельческих племен. И наконец, лишь отдельные импульсы заметны в северной части долины Инда, сказываясь на типах терракот. Таким образом, можно считать, что культура позднеэнеолитического Туркменистана, представленная в двух вариантах — геоксюрском и карадепинском, сыграла важную роль в формировании того культурного субстрата, на котором складываются раннегородские цивилизации Средней Азии и Ближнего Востока. На юге Средней Азии она стала прямой основой местных процессов урбанизации эпохи бронзы, в Сеистане и Северном Белуджистане вошла в качестве одного из основных элементов в исходный культурный пласт, и соответствующее генетическое развитие от раннеземледельческого поселения до крупного городского центра здесь лучше всего прослежено работами М. Този на Шахри-Сохте. Существенна роль геоксюрско-карадепинских традиций и в формировании культуры Южного Афганистана, причем силу и значение этих традиций лишний раз подчеркивает находка фулолского клада с золотыми сосудами, орнаментированными в стиле Кара IA⁶¹. Наконец, в долине Инда, где в первой половине III тысячелетия до н. э. интенсивно развивается культура ранних земледельцев, составивших исходный пласт хараппской цивилизации, в северной части этого региона мы находим явные следы южнотуркменистанских воздействий. Было бы неверным придавать этим связям какое-то исключительное значение творческих и формообразующих импульсов, но в сложной картине культурного и хозяйственного развития раннеземледельческих обществ на пути к цивилизации энеолитическая культура Южного Туркменистана занимает достаточно важное место, и это ее значение лишний раз подчеркивается рядом новых археологических открытий на Среднем Востоке.

V. M. Masson

ALTYN-DÉPÉ À L'ÉPOQUE ÉNÉOLITHIQUE

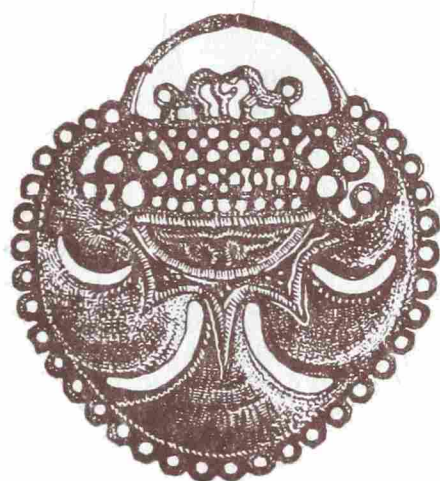
Résumé

Les fouilles d'Altyn-dépé (Sud du Turkménistan) ont permis de placer l'histoire de cet établissement à l'époque énéolithique, qui s'étend pour cette région du Ve au début du IIIe millénaire av. n. è. C'est à l'époque de Namazga Ier qu'on rapporte le plus ancien établissement apparu en ces lieux, lequel était très petit, alors qu'à l'époque de Namazga III (fin du IVe début du IIIe mill. av. n. è.) tout ce territoire se recouvrait de monuments, de riches tombes, et se répandait une céramique peinte de haute qualité, les vases de pierre, les statuettes féminines. A en juger par toute une série d'indices, cette culture de l'époque énéolithique est génétiquement le prédécesseur de la civilisation des premières villes de l'Age du Bronze, qui s'est formée à Altyn-dépé vers la fin du IIIe début du IIe mill. av. n. è. La culture de la fin de l'énéolithique en Turkménistan méridional est représentée par deux variantes culturelles: celle de Karadépé et celle de Ghéoksiour. Altyn-dépé appartient à la seconde. La culture matérielle de ces deux variantes, tout principalement en ce qui concerne la céramique peinte et les statuettes féminines, est représentée pour une grande part dans beaucoup de monuments du Moyen Orient, en particulier à Chakhri-Sokhté (Séistan iranien) et à Quetta (Pakistan septentrional). Cela témoigne avant tout de la migration de tribus venues du Turkménistan méridional, et qui furent un des principaux composants de la couche locale, sur la base de laquelle s'est également formée à cet endroit une civilisation du début de la formation de villes à l'Age du Bronze. Des éléments de cette influence du Turkménistan méridional se retrouvent dans le Sud de l'Afghanistan (Moundigak, Saïd-Kala), et même dans la vallée de l'Indus, où on peut les remarquer dans les localités des premières communautés agraires, qui furent les prédécesseurs directs de la civilisation Harappa.

⁶¹ M. Tosi, *R. Vardak*. The Fullol Hoard: A New Find from Bronze Age Afghanistan. *EW*, 1974, v. 22, № 1—2.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ
АРХЕОЛОГИЯ

4

1974

В. М. МАССОН

РАСКОПКИ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА НА АЛТЫН-ДЕПЕ

Крупное поселение эпохи бронзы — Алтын-депе уже в течение ряда лет является объектом систематических раскопок, проводимых силами Каракумской экспедиции ЛОИА АН СССР и Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции АН Туркменской ССР. В результате этих работ вырисовывается картина существования на юге Туркменистана протогородской или раннегородской цивилизации древневосточного облика, крупнейшим центром которой и было Алтын-депе¹. Особое значение имеет обнаружение здесь памятника монументальной архитектуры, представляющего, судя по всему, остатки культурного центра этого древнего города. Раскопки 1967—1968 гг. показали, что этот комплекс пережил три периода перестроек и что доминирующее положение в нем занимало ступенчатое башнеобразное сооружение², пережившее три периода существования, соответствовавшие трем строительным горизонтам рядом расположенных строений. В первый период это сооружение достигало в длину 26 м и имело первую ступень высотой 2 м и вторую — высотой 3,5—4 м. В целом есть основания предполагать, что все сооружение достигало в высоту 12 м. В более ранний, второй период, еще отсутствовали некоторые пристройки, появившиеся в связи с наклоном всего сооружения. Наконец, третий, самый ранний период, дает особенно четкую картину, поскольку башнеобразное сооружение этого времени оказалось замурованным в толще более поздних построек. В это время, приходящееся по археологической периодизации на раннее Намазга V, небольшой холм, содержащий культурные остатки времени позднего Намазга IV, был облицован сырцовым кирпичом и превращен в башнеобразное сооружение. По фронту оно имело в длину около 21 м. Остатки четырех ступеней достаточно четко прослеживаются и сейчас, причем высота первой была равна 2 м. Внешний фас второй ступени был декорирован трехступенчатыми в плане пилястрами. По внешнему виду все сооружение явно подражало зиккуратам Шумера, но в отличие от них было трехчетвертным, будучи как бы пристроенным к холму, образованному слоями ранней бронзы. За парадным фасадом культурного комплекса на уровне верхнего строительного горизонта было расчищено отдельно стоящее здание, имевшее первоначально четыре комнаты, а затем, когда одно из помещений было разгорожено, из пяти. С южной стороны к этому дому примыкал обширный хозяйственный участок с двориком, многочисленными очагами и подсобными строениями. Лишь в 1971 г. удалось осуществить раскопки строений второго горизонта. Здесь также центральное место занимал подквадратный в плане дом,

¹ В. М. Массон. Протогородская цивилизация юга Средней Азии, СА, 1967, 3.

² В. М. Массон. Четвертый сезон раскопок на Алтын-депе. АО — 1968, М., 1969; *etgo же*. Раскопки на Алтын-депе в 1969 г. Ашхабад, 1970.

отличавшийся четкой планировкой и имевший площадь около 70 м². Напоминающее по планировке так называемый дом вождя из квартала знати Алтын-депе, это строение условно было названо «домом жреца»³. К югу от него, так же как и в верхнем строительном горизонте, располагались небольшие постройки, явно указывающие на подсобный характер всего участка.

Наконец, в 1972—1973 гг. были проведены раскопки строений третьего строительного горизонта (рис. 1), стратиграфически соответствующего наиболее раннему башнеобразному сооружению. В северной части всего комплекса, сразу за башнеобразным сооружением, находилась группа жилых и хозяйственных строений, в которой центральное место занимал прямоугольный дом из трех комнат, видимо, аналог «дому жреца» второго горизонта. С юга весь комплекс ограждала обширная постройка, служившая гробницей, публикации которой в основном и посвящено данное сообщение. В центре комплекса наряду с хозяйственным двором А и рядом подсобных строений находился обширный открытый участок (двор Б), примыкавший к башнеобразному сооружению. Здесь располагался небольшой прямоугольный очаг.

С запада, со стороны основного массива поселения, к этому культовому комплексу примыкала улочка шириной около 1 м, около которой располагались хозяйственно-жилые многокомнатные массивы уже обычного для застройки Алтын-депе типа. Здесь раскопано 11 помещений, причем заметно объединение в исходную планировочную единицу жилой комнаты площадью 8—9 м и узкого строения скорее всего хозяйственного назначения (пом. 15 — подсобное строение и пом. 16 — жилое, с отопительным очагом и суфой). Выделяется особый комплекс из шести жилых и хозяйственных помещений с отдельным выходом на улочку (пом. 17, 18, 19, 21, 22, 23). Такое расселение «отдельными квартирами» в пределах многокомнатного квартала-массива напоминает планировку, отмеченную на раскопе 5 на Алтын-депе, где, судя по погребениям, проживало относительно состоятельное население⁴. Между жилым кварталом и культовым комплексом находился большой открытый двор (пом. 28) со следами трижды производившихся кирпичных вымосток полов, нижний из которых соответствует полам строений в погребальном комплексе.

Сам погребальный комплекс (рис. 2) в раскопанной части представляет собой анфиладу из пяти прямоугольных помещений (пом. 6—10), расположенных вдоль длинного коридора (пом. 11). Сооружение в целом имеет достаточно четкий план. Все помещения были связаны между собой проходами и резко различаются по сделанным в них находкам, что отражает их различные функции в системе комплекса в целом. Так, узкое помещение 6 было почти лишено находок и играло роль своего рода вестибюля, куда попадали из главного коридора.

Особый интерес, бесспорно, представляет помещение 7 (рис. 3), сохранившее большое число самых различных находок, лежавших на полу, поверх которого шел кирпичный завал. Последний был перекрыт кирпичной забутовкой, являющейся фундаментом строений второго слоя. Пол был в древности покрыт плетеной циновкой, отпечатки которой встречены по всей площади комнаты. В центре находился глинобитный очаг-подиум прямоугольный в плане с невысокими бортиками и овальным углублением в центре (рис. 4, 5), перекрытый черепками толстостенного сосуда. На очаге располагался небольшой биконический сосудик, возможно, использовавшийся для возлияний. Два других таких сосуда лежали

³ В. М. Массон. Изучение общественной структуры раннегородского поселения Алтын-депе. АО — 1971, М., 1972.

⁴ В. И. Кышев. Раскопки жилых комплексов эпохи бронзы на Алтын-депе. КСИА АН СССР, 127, 1971; В. М. Массон. Изучение общественной структуры Алтын-депе. Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972, стр. 378—379.

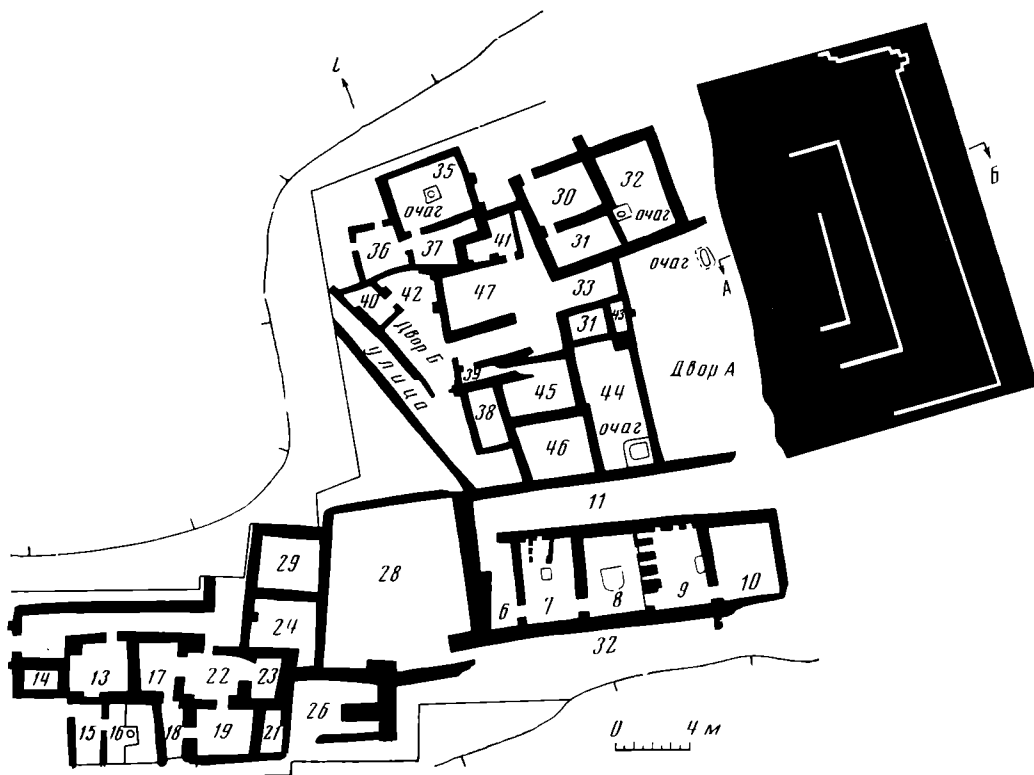

Рис. 1. Общий план раскопа 7 на уровне третьего строительного горизонта

прямо на полу около подпума. На полу же, около прохода, ведущего в помещение 8, были найдены рога горного барана, возможно, в древности располагавшиеся над этим проходом. По определению Н. М. Ермоловой, эти рога принадлежат очень старому муфлону. У западной стены помещения обнаружены четыре костяные палочки (рис. 6, 2), покрытые резным орнаментом, человеческая нижняя челюсть и шесть крестовидных плоских поделок, выточенных из белого (три) и серого (три) камня и, видимо, являющихся вставками от мозаичного набора, крепившегося на несохранившейся органической основе (рис. 7, 1).

Центральное место в помещении 7 занимал прямоугольный алтарь у северной стены. Алтарь представляет собой конструкцию из параллельных стенок из сырцового кирпича, перекрытых деревянным настилом, прослеженным по истлевшим остаткам. Непосредственно на настиле находились плечевая кость и несколько ребер скелета взрослого человека. Выше этих костей, отделенные от них глинистым слоем, находились рассыпанные по всей площади алтаря плоские бусины из лазурита и слоновой кости. Скорее всего алтарь вместе с костными останками был покрыт материей, расшитой этими бусами. Под деревянным настилом алтаря в древности было пустое пространство, что видно по слегка прогнувшемуся деревянному перекрытию, но оно постепенно заполнилось землей и человеческими костями. Цинковка, покрывавшая пол помещения, проходила и здесь, но под ней был сделан дополнительный деревянный настил, также сохранившийся лишь в виде отпечатков. Поверх цинковки находились разрозненные кости нескольких человек, в том числе два черепа (погр. 222 и 223) и четыре нижних челюсти от других особей. Найдены здесь были и несколько костей мелкого рогатого скота. Один из обнаруженных черепов принадлежит ребенку 6 лет, а другой — пожилому мужчине в возрасте 60—70 лет⁵. Среди костей лежали сердо-

⁵ Все половозрастные определения сделаны Т. П. Кияткиной, принимавшей участие в расчистке костяков на месте.

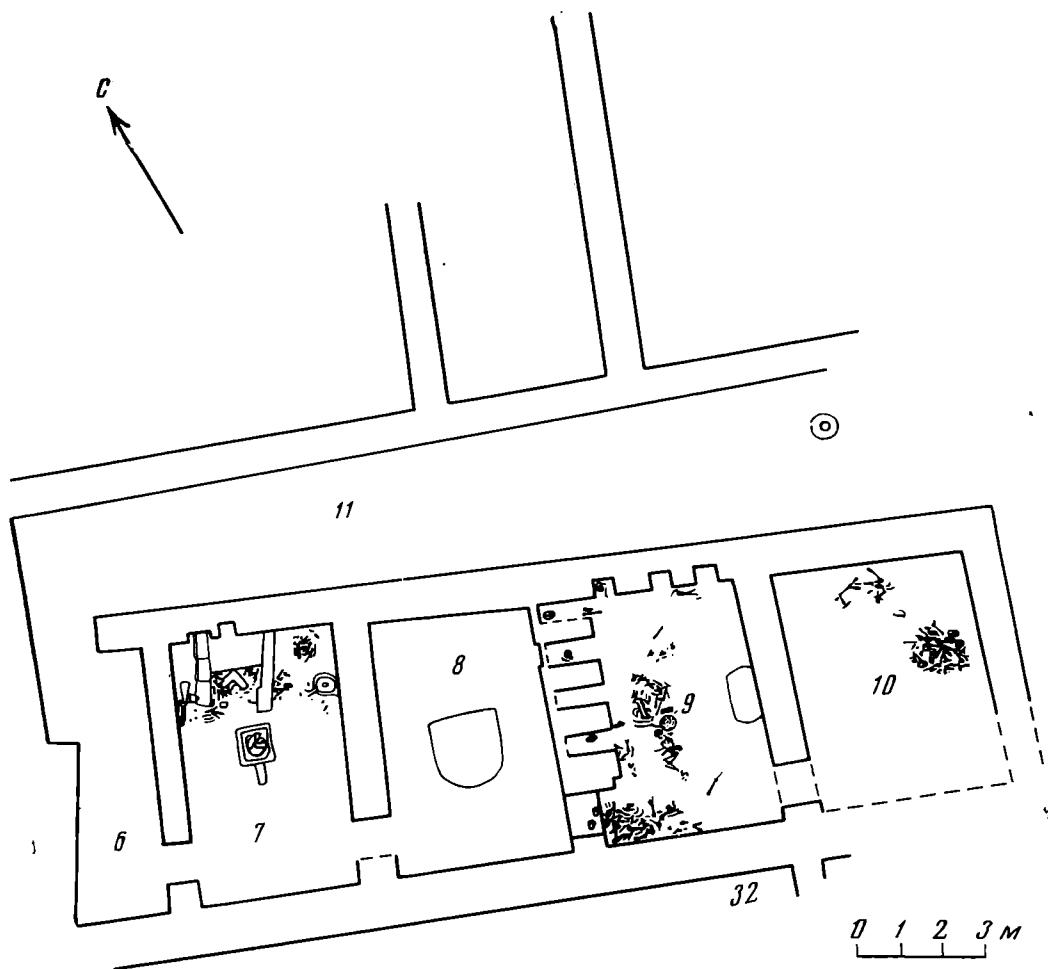

Рис. 2. План погребального комплекса

ликовые, агатовые (рис. 6, 1), лазуритовые и золотые бусы, причем некоторые из них располагались в линию, указывающую на наличие ожерелий, а не отдельных бус.

Особый интерес представляет находившаяся на полу у самого южного края алтаря наборная плакетка из серого и светлого камня с изображением полумесяца и креста рядом с двумя вертикальными полосами (рис. 8). Значительное число различных предметов лежало на полу помещения к западу от алтаря. Здесь находились прислоненные к стене помещения и к стене алтаря три крупных изделия из шлифованного камня (рис. 5) — плоская колесовидная «гиря» с ручкой, своего рода пестик с поперечными бороздками на обоих концах и «булава» с биконическим расширением посередине. Аналогичные предметы хорошо известны в памятниках эпохи бронзы Ирана, Афганистана и сопредельных территорий и обычно трактуются как культовые объекты⁶. Тут же были обнаружены и украшения — золотые и агатовые бусы, многочисленный мелкий сердоликовый бисер, лежавший несколькими нитями. Значительный интерес представляют найденные здесь крестовидная печать из бирюзы и плоская белая печать с изображением свастики (рис. 7, 1). К востоку от алтаря, в углу комнаты лежал сильно скорченный костяк, лишенный черепа, который был отделен вместе с несколькими шейными позвонками. Здесь же находились отдельные кости, в том числе нижняя челюсть, других скелетов. Рядом обнаружены каменные и лазуритовые бусы, отпечаток

⁶ См., например, G. F. Dales. Prehistoric Research in Southern Afghan Seistan. Afghanistan, 1972, N 4, pp. 32—36.

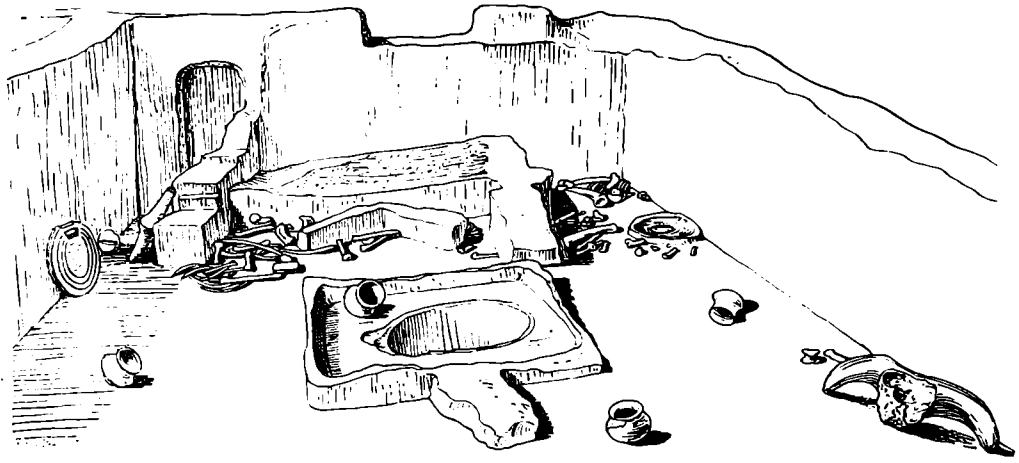

Рис. 4. Помещение 7. Общий вид

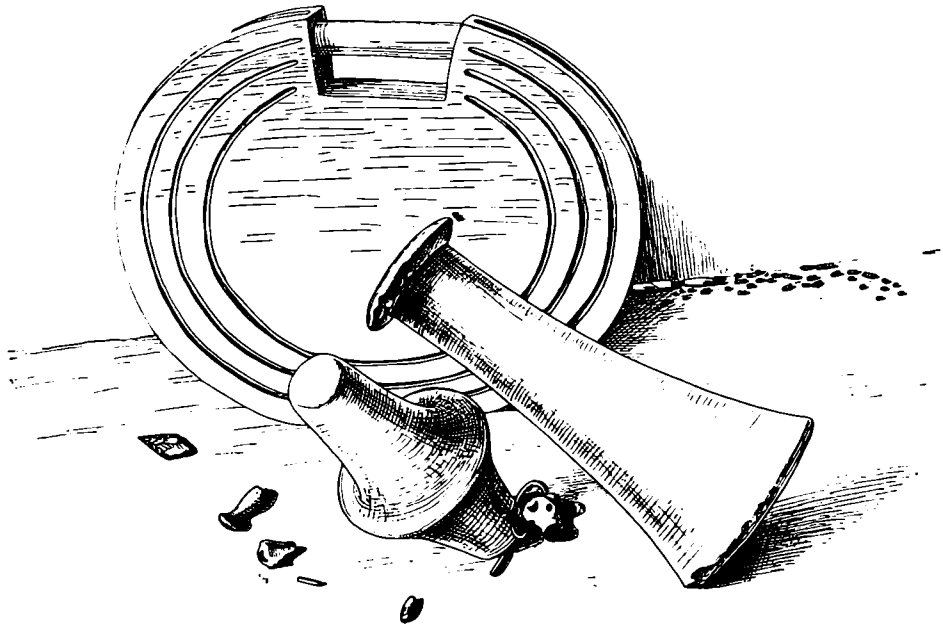

Рис. 5. Культовые объекты в помещении 7

дна плетеной корзинки, пстлевшие остатки плоского деревянного предмета, на котором и лежали, видимо, украшавшие его лазуритовые бусы. Под полом, после разборки алтаря, были найдены располагавшиеся тремя аккуратными рядами 18 шариков — шесть лазуритовых, шесть белых и шесть из серого камня.

Наиболее интересные предметы были обнаружены среди вещей, лежавших на полу к западу от алтаря. Здесь помимо уже упоминавшихся каменных предметов найдены три металлические овалы бляхи с отверстиями для прикрепления, серебряная обкладка деревянного гвоздя, золотая голова волка высотой 1,5 см и золотая головка быка высотой 7,5 см. Обе головы полые, литые, с отработкой мелких деталей пунсоном. Так, у волка подчеркнуты глаза, брови и рот с двумя рядами точечных вдавлений, возможно, передающих зубы (рис. 9). Несколько необычны два сквозных отверстия по бокам волчьей морды, как бы предназначавшиеся для инкрустационных вставок. Голова быка имеет вставные рога и уши, причем рога сделаны из серебряной проволоки, обернутой золотой

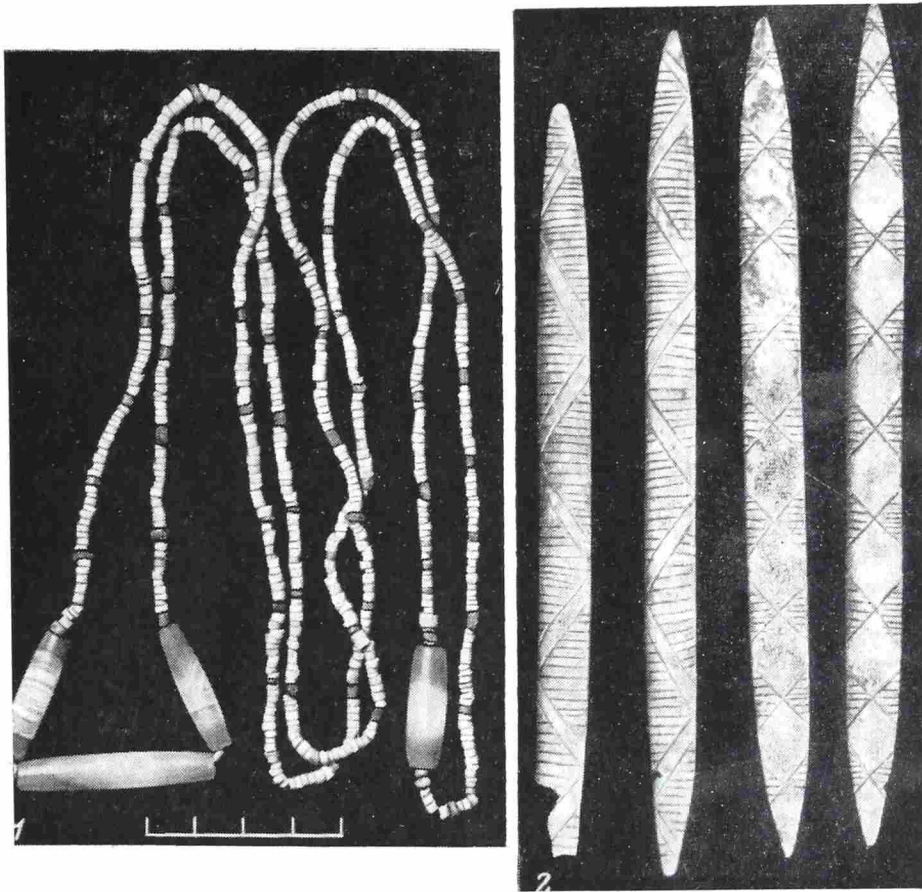

Рис. 6. 1 — ожерелье из бус, 2 — резные костяные палочки (помещение 7)

пластинкой. Морда круглая, напоминающая свиной пяточок с передачей рта и ноздрей углублениями (рис. 10). На лбу и в глазах — вставки из бирюзы, причем для одного глаза с этой целью использована бусина, в которой сделали новое, на этот раз поперечное отверстие. Бирюзовые вставки, уши и рога удерживались комком какой-то мастики, ныне совершенно высохшей, но сохранившей четкие отпечатки крепившихся к ней деталей. Как и у волка, у быка по обеим сторонам морды сделаны сквозные отверстия, по три с каждой стороны. Из прочих найденных у алтаря вещей упомянем кремневый накопечник стрелы, крупную биконическую бусину и большую плоскую бусину в виде бокала на высокой ножке, с изящно подобранным рисунком фактуры. Всего в святилище найдено 864 бусины, в том числе 9 золотых, 101 лазуритовая и 639 бирюзовых (рис. 11).

Следующее помещение 8, несмотря на его большие размеры, было практически лишено находок. На полу располагался большой очаг, но какие-либо кухонные находки в виде обломков котлов или костей животных здесь отсутствовали. Располагавшееся далее помещение 9 представляло собой коллективную гробницу, в которой находились останки по крайней мере 11 человек (рис. 12). Но лишь у восьми из них сохранились черепа. Расположение скелетов — обычное для коллективных погребений Южного Туркменистана, в том числе и для Алтын-депе. Кости погребенных находятся в беспорядке и лишь скелет мужчины, захороненного последним, покоится на боку в анатомически правильном положении. Отличие данной комнаты от обычных гробниц составляют находки черепов в нишах, сделанных по стенам помещения сравнительно невысоко от пола. Всего таких ниш в комнате семь — пять глубоких и

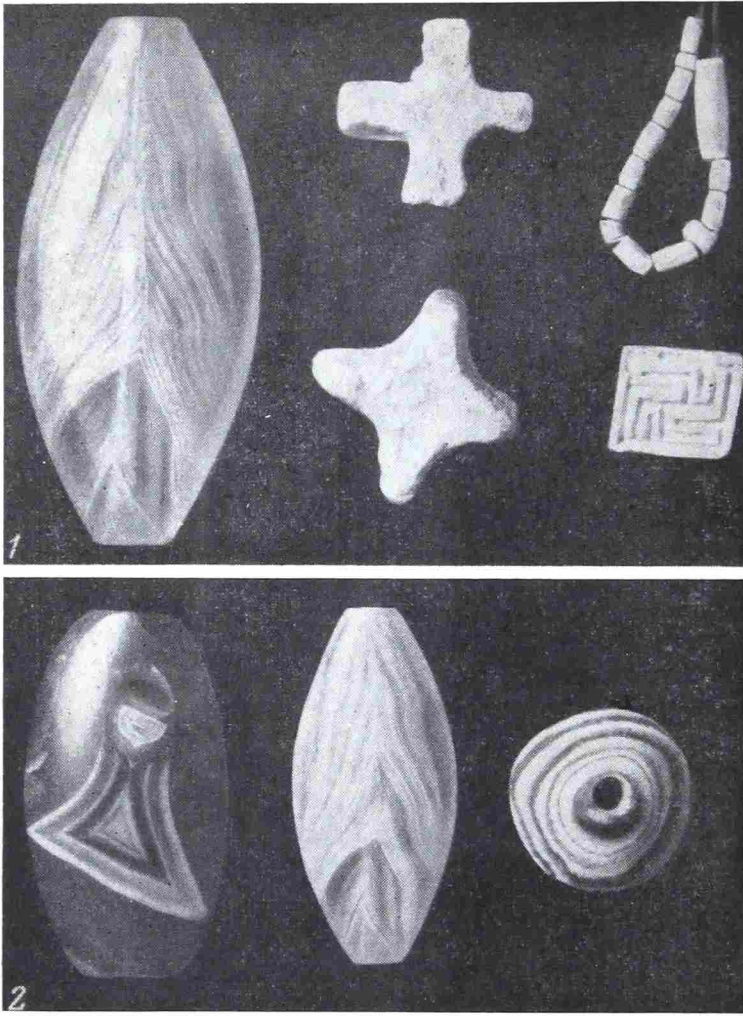

Рис. 7. 1 — каменная проиизка, каменные вставки, пастовые бусы и алебастровая печать (помещение 7); 2 — каменные бусы

две мелких. В четырех глубоких находятя черепа, принадлежавшие соответственно мужчине 35—40 лет, женщине 25—30 лет, женщине 16—18 лет и ребенку 8—9 лет. Инвентарь, обнаруженный в помещении 9, не велик — 11 керамических сосудов, в основном, типа биконических сосудиков, найденных в святилище у очага-подпума; плетеная корзинка, от которой сохранились лишь отпечатки, 4 бусины, лопатки и другие кости баранов, происходящие, по определению Н. М. Ермоловой, от 7—8 особей, в основном, молодых. Интересно, что часть черепов в нишах лишена нижних челюстей, но иногда имеются расположенные рядом с ними части плечевой кости и ребер. Как и в помещении 7, на полу встречаются разрозненные обломки нижних челюстей.

Наконец, последнее, помещение 10, также содержало человеческие останки (рис. 13). В его юго-восточном углу располагалась овальная в плане куча костей, включающая длинные кости и черепа по крайней мере от 13 человек. Рядом был поставлен один керамический сосуд, предназначавшийся, надо полагать, для всей этой гекатомбы в целом. У северной стены головой на юго-восток располагалось непо потревоженное погребение (№ 235), у бедренных костей которого была найдена печать в виде двухголовой птицы, сделанная из бронзы и сильно корродированная (рис. 14, 1). К этому погребению, видимо, относится и биконический

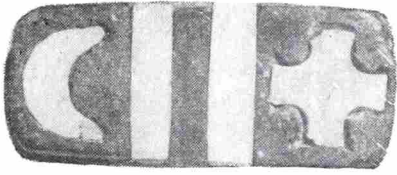

Рис. 8. Каменная наборная плакетка (помещение 7)

Рис. 9. Голова волка (помещение 7)

Рис. 9

сосудик, находившийся к югу от скелета. Два крупных раздавленных сосуда лежали в северо-западном углу помещения.

Все находки и стратиграфическое положение третьего строительного горизонта, ниже которого идут уже слои времени Намазга IV, указывают на датировку вскрытого ансамбля временем ранней Намазги V, т. е. по существующей хронологии самым концом III тысячелетия до н. э.

Уникальный характер этого погребального комплекса не вызывает сомнений. Уже на настоящем этапе его изучения благодаря прежде всего большой работе, проделанной Т. Н. Кияткиной по определению антропологических материалов, можно высказать некоторые соображения о погребальном ритуале и церемониях, с которыми он был связан. Так, последовательное перемещение человеческих останков из одной комнаты в другую, причем перемещение уже в сильно разложившемся виде, достаточно ясно. В результате нижняя челюсть из погр. 219, чья черепная крышка находилась в помещении 9, оказалась в помещении 10. Наоборот, черепа погр. 238 и 227 уже были перенесены в помещение 10, в общую кучу, а их нижние челюсти все еще оставались в помещении 9, где и были найдены. Только такими перемещениями в пределах комплекса можно объяснить «некомплектность» всех без исключения костяков в помещении 7. Следует заключить, что различные помещения несли специализированные функции соответственно их месту в обрядовой церемонии.

Определение помещения 7 как святилища наиболее ясно уже по наличию очага-подиума типа хорошо известных культовых очагов, обнаруженных как в энеолитических святилищах Южного Туркменистана, так и в месопотамских святилищах и храмах⁷. Весь характер находок из этого помещения подтверждает подобное заключение. Можно предположить, что пока очередной усопший покоился на алтаре, на очаге-подиуме совершались соответствующие возлияния (см. находку сосудов) и одновременно демонстрировались священные объекты, сосредоточенные у алтаря. Важно отметить, что, например, ручка «гири» буквально заложена от длительного употребления, а уши волчьей головки протерты почти насквозь. Далее труп, а иногда может быть и его части (в погр. 221 отсутствует преднамеренно отделенная голова) перемещались в другие комнаты. Интересен факт наличия человеческих останков под настилом самого алтаря. Все они размещены с краю и как бы запихнуты под на-

⁷ В. И. Сариянди. Культурные здания поселений агауской культуры. СА, 1962, 1.

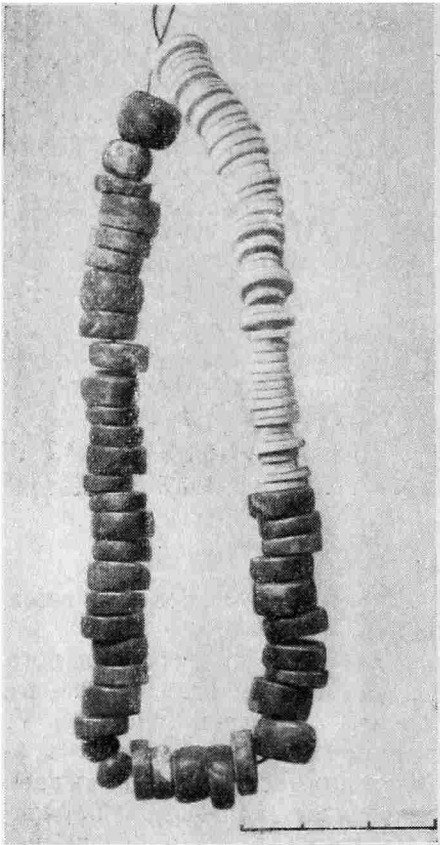

Рис. 11. Бусы из лазурита и слоновой кости (помещение 7)

стил уже в потревоженном состоянии. Но показательно, что именно здесь оказался череп мужчины 60—70 лет, своего рода патриарха среди всех лиц, погребенных в этом комплексе, чей возраст, за этим единственным исключением, не превышает 35—40 лет.

Пустое помещение 8 с его огромным очагом на полу может рассматриваться как специальная комната, хранящая очищающий огонь, отделявшая святилище от собственно гробницы. Помещение 9 — это основная гробница, типичная коллективная усыпальница, хорошо известная в Южном Туркменистане начиная с эпохи позднего энеолита⁸, но в данном случае расположенная не обособленно, как в большинстве других случаев, а включенная в систему архитектурного ансамбля. Различные предположения могут вызывать находки черепов некоторых из погребенных в нишах по стенам. Если исходить из необычности такого приема, то следовало бы предположить особую роль лиц, чьи останки удостоились такого посмертного почета. По половозрастному составу — мужчина, две женщины и ребенок — это могли быть члены одной семьи. Переносимые в гробницу останки сопровождалась сосудами для возлияний и, видимо, как

правило, жертвенной частью барана. Наконец, на третьем этапе разрозненные кости от полностью распавшихся трупов переносились в последнюю, тупиковую комнату, где складывались в аккуратную кучу. Правда, не совсем ясны причины помещения сюда же погребения 235. Поясная печать, найденная при нем, подчеркивает особое положение погребенного.

В целом в описанном комплексе отмечены останки почти 40 человек, из которых 30 четко определяются в половозрастном отношении: 15 женщин, 12 мужчин и трое детей старше 6 лет. На Алтын-депе коллективная гробница с остатками 38 человек была раскопана в районе «квартала знати»⁹. Судя по половозрастной структуре погребенных, наш комплекс служил местом успокоения для нескольких малых семей, скорее всего объединявшихся, что, видимо, характерно для крупных коллективных усыпальниц¹⁰, в большесемейную общину. Территориальное расположение в одном комплексе со ступенчатым башнеобразным сооружением и характер находок позволяют заключить, что описанное здание служило усыпальницей для большесемейной общины, связанной с обслуживанием

⁸ В. И. Сарияниди. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении. СА, 1959, 2; его же. Геокюрский некрополь. В сб. «Новое в советской археологии». М., 1965; В. М. Массон. Традиция коллективных погребений в энеолите Средней Азии, Афганистана и Индии. КСИА АН СССР, 101, 1964.

⁹ В. М. Массон. Изучение стратиграфии и топографии Алтын-депе. АО — 1970, М., 1971, стр. 430.

¹⁰ В. М. Массон. Традиция коллективных погребений..., стр. 8; В. И. Сарияниди. Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен. Успехи среднеазиатской археологии. I, Л., 1972, стр. 25.

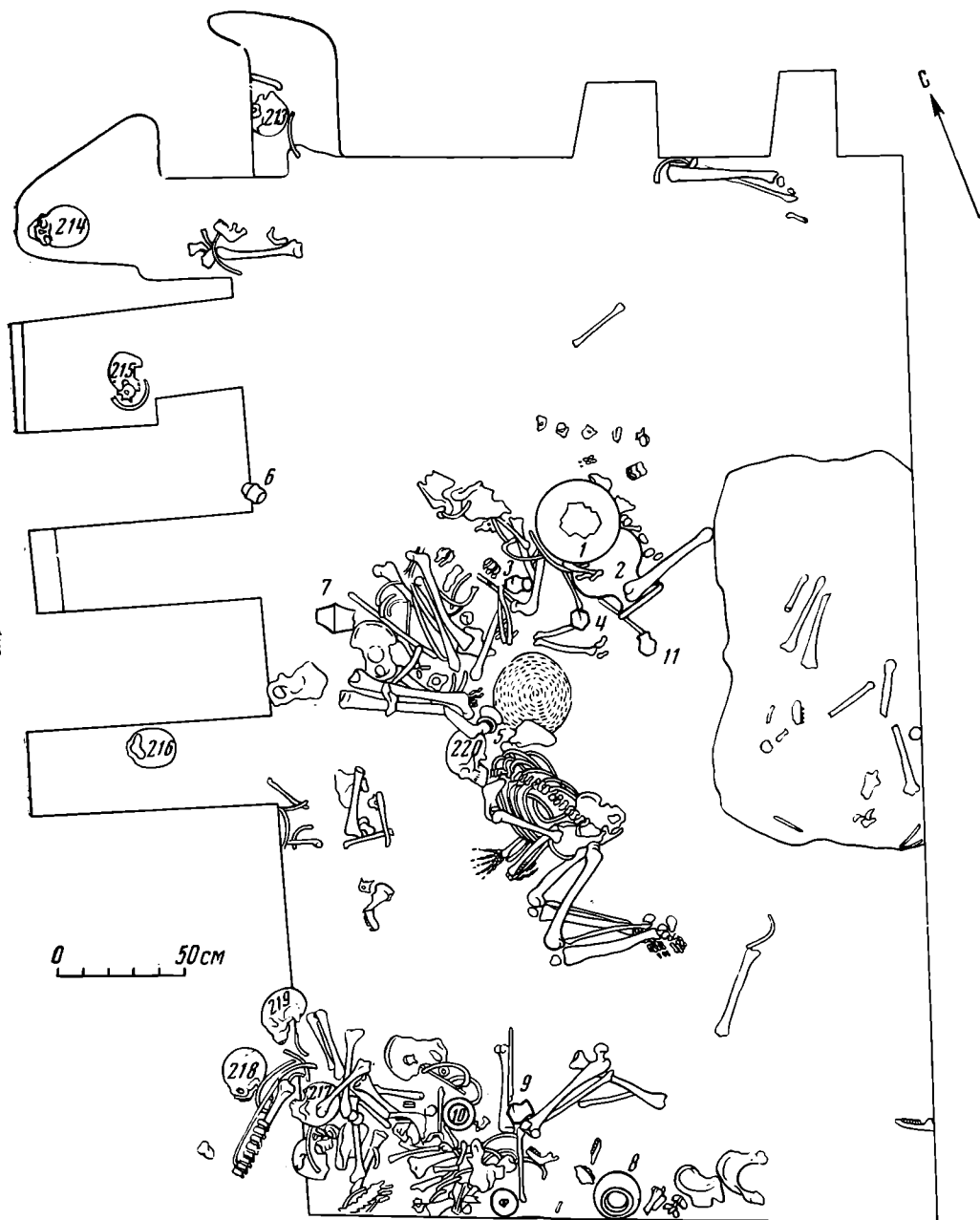

Рис. 12. План помещения 9. 218 — номера погребений, 9 — номера сосудов

культового центра Алтын-депе, т. е. скорее всего жреческой общины. Весьма показательно полное отсутствие женских статуэток, типичных для других коллективных гробниц Алтын-депе. В данном случае женские терракоты были заменены совершенно иными символами — головками волка и быка, что, бесспорно, связано со спецификой всего культового центра, в состав которого, как теперь выясняется, на раннем этапе существования входили четырехступенчатое башнеобразное сооружение и своего рода прихрамовый комплекс.

Большое значение для интерпретации обнаруженного комплекса имеет изучение найденных в нем предметов. Здесь, как нам представляется, особое место занимает золотая головка быка, столь эффектно инкрустированная бирюзой. Уникальная для среднеазиатских памятников, эта находка вместе с тем вписывается в круг объектов, типичных

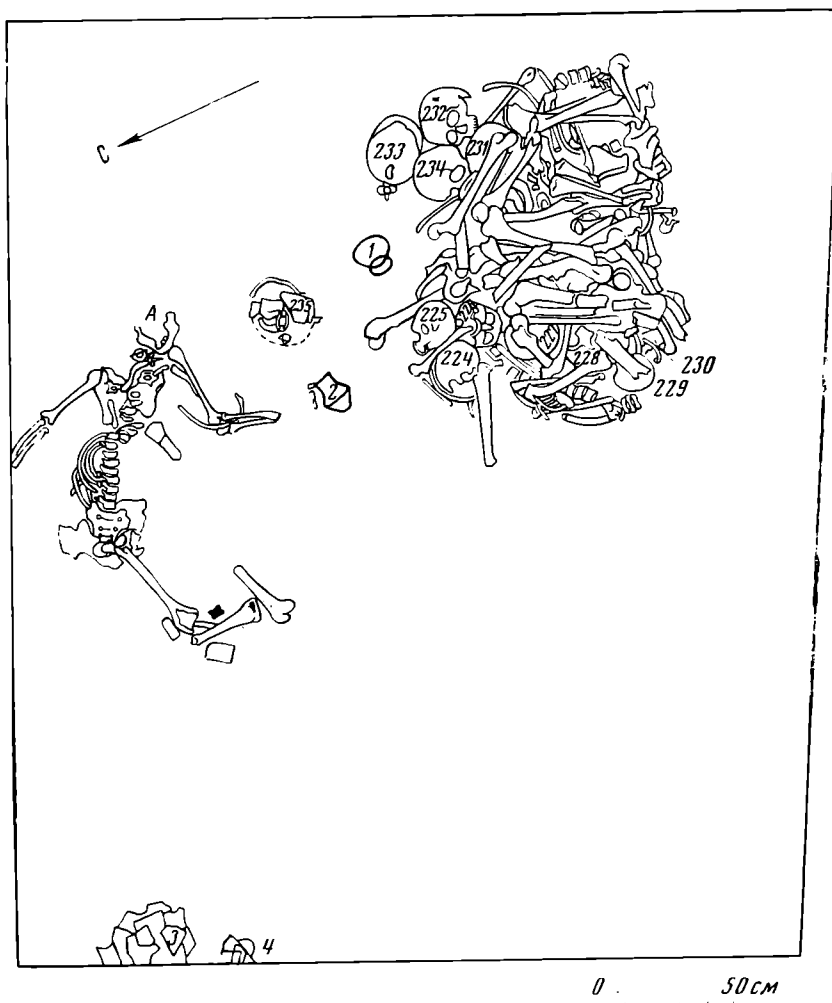

Рис. 13. Костные останки в помещении 10

для ближневосточной археологии и недавно бывших предметом специального обзора¹¹. Центром распространения таких изделий, безусловно, является Месопотамия, где головы быков были обнаружены при раскопках Ура¹² и Хафадже¹³, не считая ряда находок без точной привязки к археологическим объектам¹⁴.

Головы быков, обнаруженные в Уре, помещались в качестве скульптурных украшений на резонаторах лир и изготовлялись из золота, серебра и бронзы. Наибольшую известность получила исключительно выразительная голова быка, сделанная из золота, с дополнительными украшениями из лазурита, которыми переданы вставные глаза, небольшая челка на лбу, концы массивных загнутых вверх рогов и эффектная широкая борода. Сочетание лазурита и золота вообще было любимым приемом шумерских ювелиров. Интересно, что это особое значение лазурита распространилось и на Египет, где, согласно одному из вариантов цикла Ра, этот бог солнца царствовал много тысячелетий, а когда составился, кости его превратились в серебро, мясо в золото, а волосы в лазурит¹⁵. С головой быка из Алтын-депе урскую голову сближают лишь

¹¹ E. C. L. *During Caspers. The Bull's Head from Barbar Temple II. Bahrain. A Contact with Early Dynastic Sumer. East and West*, 21, 1971, 3—4.

¹² L. Wolley. *Ur Excavations, v. II. London*, 1934. Pl. 107, 111, 115—117, 119—121.

¹³ H. Frankfort. *Progress of the Work of the Oriental Institute in Iraq 1934/35. OIC*, 20, Chicago, 1936, pp. 28—29.

¹⁴ A. Parrot. *Sumer. Paris*, 1960, p. 157, fig. 186.

¹⁵ Б. А. Тураев. *История Древнего Востока. I, Л.*, 1935, стр. 180.

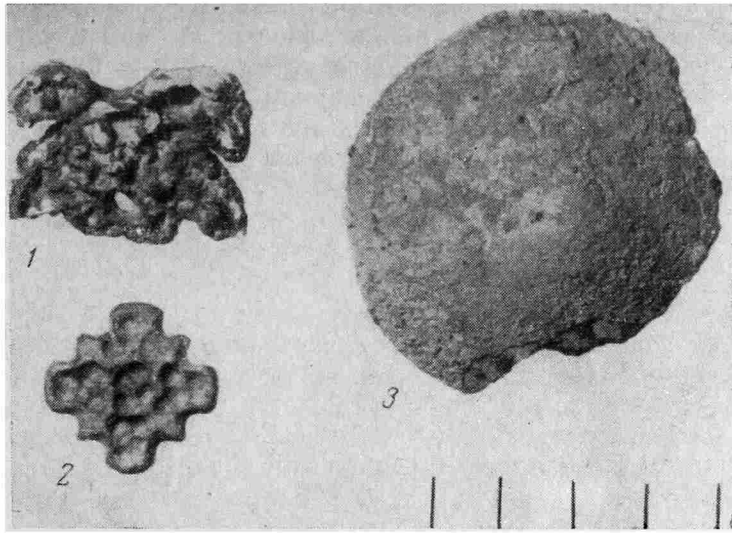

Рис. 14. Печати: 1 — бронзовая (погр. 235); 2 — лазуритовая (помещение 7); 3 — серебряная бляха (помещение 7)

прием выполнения глаз инкрустацией, помещение прямо под рогами расставленных в стороны ушей, да передача надбровных дуг углубленными линиями. Форма рогов, морда животного, да и вообще облик скульптуры в целом принципиально различны. Более художественные и реалистически выполненные урские быки как бы рисуют лишь общий круг явлений, в который входит находка из Алтын-депе. В настоящее время по стратиграфической схеме южного Двуречья царские гробницы Ура относятся к этапу IIIA раннединастического периода, датируемому 2600—2500 гг. до н. э.

Голова быка из Хафадже найдена в кирпичной закладке в храме Сина VIII и, следовательно, должна быть отнесена ко времени существования храма Сина VII, т. е. ко второму этапу раннединастического периода¹⁶, датируемому сейчас 2750—2600 гг. до н. э. Изготовленная из бронзы, эта голова по скульптурному решению близка головам быков из Ура и в той же мере, что и эти последние, отличается от быка Алтын-депе. Глаза быка из Хафадже выполнены вставками из раковин и лазурита, на лбу также вставка в виде треугольника из морской раковины. Вставка на лбу характерна и для бронзовой головы оленя из Шуррупака¹⁷ и естественным образом заставляет вспомнить о вставке на лбу нашего быка. Известны также другие бронзовые головы быков из Южного Двуречья, имеющие те же стилистические черты, что и скульптуры Ура и Хафадже, в том числе глаза, переданные инкрустацией из лазурита¹⁸. Все эти находки в целом датируются раннединастическим временем, т. е. XXIX—XXV вв. до н. э. Их хронологическое положение, бесспорно, предшествует быку Алтын-депе, и в стилистическом отношении они представляют своего рода реалистическую предтечу этой несколько схематизированной и условной скульптуры. Вместе с тем нельзя не отметить, что трактовка рогов и особенно тупой морды, имеющей как бы свиноподобный облик, никак не могут быть возведены к этим шумерским прототипам.

¹⁶ P. Delougaz, S. Lloyd, Pre-Sargonid Temples in the Diyala Region. OIP, v. LVIII, Chicago, 1941, p. 134.

¹⁷ A. Parrot. Sumer..., p. 155, fig. 184 B.

¹⁸ A. Parrot. Sumer..., p. 157, fig. 186; C. Zervos. L'art de la Mesopotamie. Paris, 1935, p. 154.

Именно эти черты нашей скульптуры находят довольно близкие аналогии в бронзовой голове быка, найденной, так же как и скульптура из Алтын-депе, за пределами Южной Месопотамии. Речь идет о находке в храме Барбара, расположенном на северном побережье Бахрейна. Здесь при раскопке сложенного из каменных плит храма II была обнаружена бронзовая литая голова быка, пустые глазницы которой свидетельствуют об утраченной инкрустации¹⁹. Детально рассмотревшая эту находку Е. Дюринг-Касперс указывает, что от месопотамских голов ее отличает фронтальность расположения глаз, тогда как в Шумере они обычно помещаются по сторонам, уплощенность морды животного, у которой нос напоминает рыльце свиньи, и определенное отступление от физической реальности, следование которой столь явственно выделяет произведения месопотамских короoplastов²⁰. Между тем все эти черты отличия бахрейнской находки от шумерских скульптур как раз являются характерными признаками скульптуры из Алтын-депе. Можно только добавить, что и характер длинных рогов с изгибом, аналогии которым Е. Дюринг-Касперс находит в фигурке антилопы из Ура, в Бахрейне и в Алтын-депе идентичен. Разумеется, о полном совпадении не может быть и речи. В барбарской голове отсутствует проработка надбровных дуг параллельными линиями, нет сквозных отверстий по бокам головы, при общем сходстве трактовки морды детали оформления носа и рта существенно отличны. Но необходимо признать, что именно бахрейнская голова является ближайшей аналогией нашей находке.

Датировке храмов Барбары была недавно посвящена специальная статья П. Мортенсена, который ориентировочно относит храм II к середине III тысячелетия до н. э.²¹. Но вместе с тем он приходит к заключению, что наследовавший ему храм III был построен около 2200 г. до н. э. и продолжал существовать еще около 2000 г. до н. э. Е. Дюринг-Касперс, рассматривая месопотамские аналогии головы быка из Барбары, считает возможным на основании этих аналогий относить храм II к этапам II и IIIB раннединастического периода²², что соответствует XXVIII—XXV вв. до н. э. Однако, учитывая определение времени возведения храма III, можно считать, что храм II продолжал функционировать до 2200 г. до н. э. и что найденные в нем объекты если не были изготовлены в XXIV—XXIII вв. до н. э., то во всяком случае были в эту пору в употреблении. Эти соображения значительно сближают датировку скульптур Алтын-депе и Барбары; следует учесть, что изученный нами погребальный комплекс относится к наиболее ранней фазе комплекса Намазга V, ниже которой уже идут слои Намазга IV.

Какова же связь этих головок быков с шумерской скульптурой? Е. Дюринг-Касперс скорее склоняется к мнению, что голова из Барбары является местным производением, которое, однако, восходит к определенному шумерскому прототипу. Правда, она делает оговорку о трудностях различения плохой копии с месопотамской модели и местного произведения с месопотамскими чертами, комбинированными или адаптированными²³. Думается, что голова быка с Алтын-депе может служить примером справедливости именно второго заключения. Как мы видели, ее связи с шумерскими образцами ограничиваются общей идеей и аналогиями в отдельных чертах (инкрустации во лбу и в глазах, растопыренные уши, прочерченные надбровные дуги). Даже для инкрустации был применен иной материал — бирюза, хотя лазурита в Туркмении было достаточно много, и изделия из него в изобилии найдены в том же

¹⁹ P. V. Glob. *Udgravninger pa Bahrain*. Kuml, 1955, p. 191; *Idem*. *Bahrein. Five Thousand Years Ago: The Temples of Barbar*. ILN, 4 Jan. 1958, fig. 8—9.

²⁰ E. C. L. *During Caspers*. *The Bull's Head...*, pp. 222.

²¹ P. *Mortensen*. *Om Barbartemplets Datering*. Kuml, 1970, p. 397.

²² E. C. L. *During Caspers*. *The Bull's Head...*, p. 223.

²³ *Ibidem*

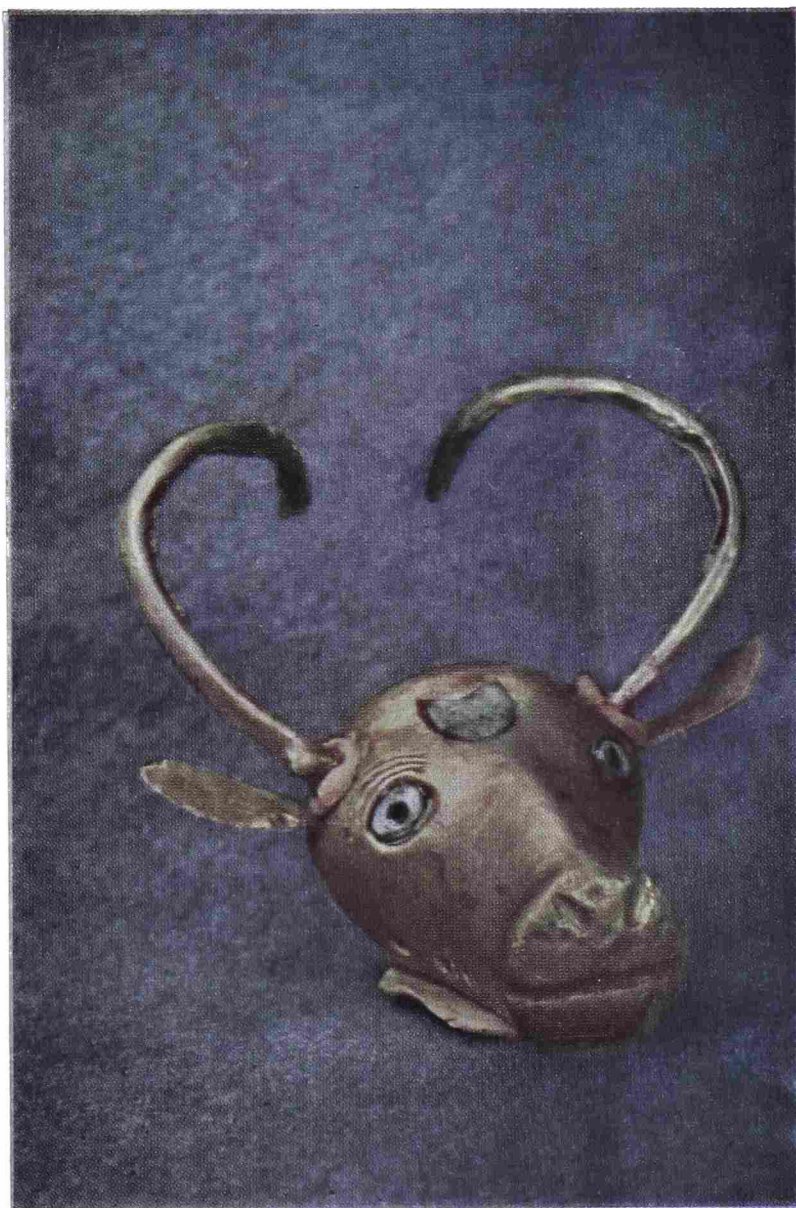

Рис. 10. Золотая головка быка из раскопок погребального комплекса на Алтын-дене (помещение 7)

помещении, что и голова быка. В этой связи особенное значение приобретают известные черты сходства головы быка с Алтын-депе и энеолитической скульптуры Южного Туркменистана. На Кара-депе в слоях Намазга III, относимых ориентировочно к началу III тысячелетия до н. э., была обнаружена довольно неуклюжая фигурка быка, сделанная из мраморовидного известняка. По общему облику, отражающему скорее всего затруднения скульптора в работе с мало пластичным материалом, эта статуэтка напоминала свинью, и лишь рога и длинный хвост позволяют видеть в ней быка²⁴. Передача морды в виде «свиного» пяточка с углубленной линией прямого рта и двумя ноздрями, также выполненными углублением, дают бесспорную аналогию трактовке морды алтынского быка. Кстати, глубоко просверленные глазницы карадепинской статуэтки наводят на предположение, что в древности они были инкрустированы вставками из цветных камней²⁵. Можно заключить, что ювелиры Алтын-депе, будучи знакомы с произведениями шумерской торевики, вместе с тем исходили из образа, имевшего местную (по крайней мере позднеэнеолитическую) традицию. Проблема же формирования этой традиции — вопрос особый, тесно связанный с вопросом о семантике скульптур такого рода.

В свою очередь этот вопрос связан и с воссозданием утилитарного назначения объектов подобного рода в пору их бытования. Характер нашей находки ясно указывает, что это завершенное произведение — именно головка быка, а не часть фигурки. На это, в частности, указывает золотая пластинка, как бы закрывающая головку сзади. Примечательно, что найденная здесь же голова волка носит явственные следы затертости от длительного употребления. Голова из храма Барбара была найдена рядом с медными полосками, имевшими следы от медных же гвоздей, из чего можно заключить, что это части какой-то обивки. Уже П. Глоб предположил, что это остатки деревянного предмета, увенчивавшегося головой быка²⁶. К сожалению, детальные зарисовки или фотографии условий находки пока не опубликованы. Е. Дюринг-Касперс, основываясь на описании, приведенном в предварительном отчете, полагает, что голова быка, как и головы других животных, прикреплялась к окованному медью деревянному шесту и в таком виде служила объектом поклонения²⁷. Р. Барнетт, опираясь на находки из Ура и некоторые данные иконографии, считает, что барбарская голова быка, так же как и урские головы, служила украшением музыкального инструмента²⁸. Действительно, для конца III тысячелетия до н. э. известен клинописный текст, в котором описывается арфа, украшенная головой быка, а звук самого инструмента сравнивается с мычанием быка²⁹.

Условия находки головы быка на Алтын-депе, где при относительно ненарушенном слое не было никаких следов музыкального инструмента, заставляют отдать в данном случае предпочтение предположению Е. Дюринг-Касперс. находка золотой головы быка в святилище сама по себе указывала на то, что едва ли в данном случае мы имеем дело с обычной скульптурой. Это заключение подкреплялось наличием на лбу головы изображения луны, этого бесспорного астрального символа. Отсутствие во всем комплексе женских статуэток и находка мозаичной плакетки с изображением опять-таки лунного серпа позволило уже в поле прийти

²⁴ В. М. Массон. Кара-депе у Артыка. Труды ЮТАКЭ, X, Ашхабад, 1960/1961, стр. 371, рис. 24.

²⁵ В. М. Массон. Кара-депе у Артыка..., стр. 368.

²⁶ P. V. Glob. *Udgravninger pa Bahrain...*, p. 191.

²⁷ E. C. L. Düring Caspers. *The Bull's Head...*, pp. 221—222.

²⁸ R. D. Barnett. *New Facts about Musical Instruments from Ur. Iraq*, XXXI, 1969, 2.

²⁹ Л. Вулли. Ур халдеев. М., 1961, стр. 78.

к заключению, что весь раскапываемый комплекс был связан с каким-то астральным божеством, скорее всего мужским³⁰.

Изучение вопроса позволяет, как нам кажется, ответить на этот вопрос и более уверенно, и более определенно. Уже упоминавшаяся выше голова быка из Хафадже была найдена там при раскопках храма Сина, известного шумерского бога луны. Принадлежность храма точно определяется надписью на найденной в нем статуе жреца³¹. Тесная связь древнего шумерского бога луны Нанны-Сина с образом быка хорошо известна в литературе. Это божество, покровитель Ура, имело в самом Уре большой священный квартал, где, в частности, располагался и зиккурат. Надпись на закладных конусах этого квартала гласит: «Для Нанна, могучего небесного быка, славнейшего из сынов Энлиля, своего владыки, Урнамму, могучий муж, царь Ура, воздвиг сей храм Этеменнигуру»³². Тот же образ находим мы и в специальном гимне Нанне, сохранившемся в ассирийской копии в знаменитой библиотеке Ашурбанипала, но который, бесспорно, восходит к шумерской эпохе. «Отец Нанна, — читаем мы в этом гимне, — могучий юный телец с мощными рогами, совершенным телом, лазуритовой бородой, полный великолетия...»³³.

В шумерской мифологии бык традиционно выступает как лунное животное³⁴ и поэтому в гимнах сам Син предстает как молодой бык цвета огня³⁵. Аналогии этих текстов с археологическими материалами бесспорны. Это и цвет Нанны, небесного быка, столь близкий некоррозированной бронзе, а тем более золоту, это и лазуритовая борода, столь великолепно представленная материалами Ура. В шумерской космогонии Нанна рассматривался как сын бога воздуха Энлиля и отец бога солнца — Уту и его знаменитой сестры богини планеты Венеры — Иннанны-Иштари. По этим представлениям планеты и звезды движутся вокруг луны, причем крупные подобны «диким быкам», а мелкие рассыпаны подобно зернам³⁶. Лунный полумесяц был символом Нанны, подобно тому, как диск был символом бога солнца, а звезда — эмблемой Иннанны-Иштари. Эта семантическая связь бога луны как верховного из астральных божеств с образом быка является специфической чертой шумерских религиозных воззрений, и находка золотой головы быка с луной во лбу на Алтын-депе не оставляет сомнений, что аналогичный круг представлений был распространен и среди создателей раннегородской цивилизации Южного Туркмения эпохи бронзы. Однако связь божества луны с образом быка отнюдь нельзя рассматривать как простую и прямолинейную.

Почитание быка имеет в истории человечества весьма глубокие истоки, бесспорно восходящие к традициям охотничьих культур, возможно, еще палеолитической эпохи. Так, над верхнепалеолитическими жилищами иногда помещались черепа почитаемых животных: мамонта, пещерного льва и овцебыка³⁷. Вместе с тем, как справедливо указывает С. А. Токарев, почитание животных может быть самого различного происхождения и включает в себя прямое поклонение животным (зоолатрию), различные виды табуации, зооморфные и зооантропоморфные образы богов, посвящение животных тому или иному божеству и многое другое³⁸. Особенно важно различать божества зооморфного облика и посвященных им животных, которые зачастую становятся и жертвен-

³⁰ В. М. Массон. Раскопки погребального храмового комплекса на Алтын-депе. АО — 1972, М., 1973, стр. 481.

³¹ P. Delougaz, S. Lloyd. Pre-Sargonid Temples..., p. 6.

³² Л. Вулл. Ур халдеев, стр. 134.

³³ Б. А. Тураев. История древнего Востока. I, Л., 1935, стр. 137.

³⁴ Эпос о Гильгамеше. Пер. И. М. Дьяконова. М. — Л., 1961, стр. 119.

³⁵ R. Labat. Les religions du Proche-Orient Asiatique. Paris, 1970, p. 280.

³⁶ С. Н. Крамер. История начинается в Шумере. М., 1965, стр. 107.

³⁷ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 409; П. И. Борисковский. Изучение неолитических жилищ в СССР. СА 1958, 1, стр. 17.

³⁸ С. А. Токарев. Ранние формы религии. М., 1964, стр. 76.

ными животными, нередко с отождествлением божества и самой жертвы. Образ быка, популярный еще в среде охотников каменного века, широко представлен в идеологии раннеземледельческих племен, как это ярко иллюстрируется святилищами анатолийского Чатал-Гуюка, относящимися к первой половине VII — второй половине VI тысячелетия до н. э.³⁹. Стены этих святилищ буквально заполнены всевозможными изображениями быков, начиная от красочных панно и кончая отдельными рогами. Особенно разнообразны глиняные головы быков, обычно прикреплявшиеся к стене и нередко покрытые росписью, семантику которых Д. Мелларт несколько прямолинейно предлагает связывать с охотничьими трофеями⁴⁰. Во всяком случае нет сомнений в огромной роли быка в религиозных представлениях раннеземледельческих племен Анатолии. Эта роль традиционно сохраняется у раннеземледельческих племен Балкан и Центральной Европы, нередко украшавших головами быков свои дома⁴¹, и во всем Эгейском мире вплоть до минойской и микенской цивилизаций. До детального анализа мира религиозных представлений чатал-гуюкских племен трудно с уверенностью судить о семантике фресок с быками и глиняных скульптур, но в целом, видимо, правы исследователи, ставящие их в связь с мужским божеством, партнером женской богини, антропоморфный облик которой столь явно доминирует в культовой символике этого замечательного памятника⁴². На стадии антропоморфизации божеств древняя культовая символика сохраняет роль либо в общем значении, либо становясь семантически тесно связанной с определенным божеством. Классический пример этого процесса дают египетские материалы, где боги — покровители отдельных номов — приобретают специфические и устойчивые зооморфные черты. Место бычьей головы на шесте, бывшей объектом поклонения, занимает бык Апис⁴³, связанный с мемфисским богом Птахом и официально рассматриваемый как носитель божественной души. Считалось, что на корову с неба нисходит луч и от этого луча она рождает Аписа (Herod., III, 28).

По многочисленным иконографическим материалам и данным источников хорошо известно, что божества Месопотамии рано приобретают антропоморфный облик⁴⁴. Связь между божеством и животным сохраняется лишь частично и отражается в соединении божества с его анималистической символикой. Г. Фрэнкфорт показал, что известные месопотамские чудовища — монстры — в ряде случаев являются чисто графической комбинацией бога и его анималистической эмблемы, что ни в коей мере не снимало антропоморфного характера божества⁴⁵.

Образ быка имеет в Месопотамии весьма древние истоки. Мотив головы быка или букрании был исключительно популярен в расписной керамике племен халафской культуры, населявших северную Месопотамию в V тысячелетии до н. э. и, возможно, даже являлся своего рода символом этого племенного объединения⁴⁶. В месопотамской глиптике III тысячелетия до н. э. широко распространяется образ быка-андрокефала, имевший, по мнению некоторых исследователей, эламское происхождение⁴⁷. В знаменитом аккадском сказании о Гильгамеше специаль-

³⁹ J. Mellaart. Çatal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. London, 1967.

⁴⁰ J. Mellaart. Çatal Hüyük..., p. 82.

⁴¹ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 146.

⁴² J. Mellaart. Çatal Hüyük..., pp. 200—201; J. Deshayes. Les Civilisations de l'Orient ancien. Paris, 1969, p. 234.

⁴³ Б. А. Тураев. История Древнего Востока..., стр. 178.

⁴⁴ С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1964, стр. 304; J. Deshayes. Les Civilisations de l'Orient ancien..., p. 246.

⁴⁵ H. Frankfort. The Art and Architecture of Ancient Orient. London, 1955, pp. 37—38.

⁴⁶ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, стр. 366.

⁴⁷ В. К. Афанасьева. Мифология и эпос в шумеро-аккадской глиптике. Автореф. канд. дис. Л., 1965, стр. 6.

ный раздел посвящен сражению героя с небесным быком, которого наслали боги на Урук по просьбе отвергнутой Гильгамешем Иштари. При этом отмечается, что рога быка были отлиты из лазурита и оправлены в золото⁴⁸. Соответствующий раздел поэмы полностью представлен и в шумерском эпосе⁴⁹. Друг Гильгамеша Энкиду за участие в убийстве духа лесов Хуавы и небесного быка, ниспосланного на Урук, приговаривается богами к ранней смерти. Не исключено, что в этом цикле нашли отражение традиции своего рода тавромахии, предшествующей закланию жертвенного быка и хорошо известной по критской иконографии.

В этих условиях вполне вероятно, что божество — покровитель одного из крупных центров древнего Шумера, в данном случае Ура, — оказалось тесно связанным с образом быка, чьи расставленные рога вызывали и чисто графическую ассоциацию с лунным рогом. Это ни в коей мере не подменяло антропоморфного облика лунного божества Нанны, но могло быть одной из его ипостасей. Не удивительно, что золотой бык с лазуритовой бородой, помещенный на арфе одной из царских гробниц Ура, столь разительно повторяет эту характерную черту божественного покровителя города, описанную в священном гимне. Не следует думать, что изображения, помещаемые на струнных инструментах, вошедших в состав погребального инвентаря, носили чисто декоративный характер и были начисто лишены сложных семантических ассоциаций. Не исключено, что при храме Нанны находился и священный бык с особыми приметами вроде отметины на лбу у египетского Аписа, либо посвященный самому богу, либо считавшийся одним из его воплощений. Недаром на лбу головы быка из Хафадже имеется мозаичная вставка, а на голове быка из Алтын-депе она достаточно явно имеет форму лунного рога. Представляет интерес и состав находок в храмах Нанны-Сина в Хафадже. Помимо уже упоминавшейся массивной бычьей головы здесь были обнаружены и золотая подвеска в виде быка, и сосуд для возлияний, также имеющий форму этого животного⁵⁰. Показателен и состав зооморфных амулетов, видимо, входивших в число храмовых приношений⁵¹. Амулеты в виде быка или бычьей головы встречаются практически во всех без исключения слоях храма, тогда как фигурки других животных то появляются, то исчезают. Разумеется, не следует говорить о какой-то жесткой связи образа быка именно и исключительно только с лунным божеством древнего Шумера. Мы хорошо знаем, что, например, в храме богини Нинхурсаг, построенном, кстати, неподалеку от Ура, имелись превосходные изображения быков⁵². Однако наличие на голове быка из Алтын-депе именно лунарного символа и обнаружение в одном с ним комплексе другой лунной эмблемы заставляет склониться к мысли, что в данном случае мы имеем дело с символикой небесного быка как лунного божества. Видимо, этому божеству, южнотуркменистанскому варианту Нанны-Сина, и был посвящен весь культовый комплекс Алтын-депе с зиккуратообразной постройкой и описанным погребальным ансамблем.

Эта линия связей имеет большое значение для определения культурно-исторического положения раннегородской цивилизации Алтын-депе. Связь небесный бык — лунное божество имеет специфический шумерский характер в отличие от связи бык — солнечное божество, демонстрируемой как египетскими материалами, так и материалами греческими, где хорошо известен критский вариант представлений о быке-Зевсе, который в то же время является солнцем и именно в качестве солнечного быка похищает

⁴⁸ Эпос о Гильгамеше..., стр. 177.

⁴⁹ С. Н. Крамер. Ук. соч., стр. 219.

⁵⁰ P. Delougaz, S. Lloyd. Pre-Sargonid Temples..., p. 29, 145.

⁵¹ Ibid., pp. 136—148.

⁵² H. R. Hall, L. Wolley. Al Ubaid. London, 1927, Pl. XXVII, XXVIII.

Европу⁵³. Недаром египетские изображения имеют между рогами солнечный диск (Herod., II. 132), а в Микенах был обнаружен серебряный ритон в виде головы быка с золотой розеткой-солнцем во лбу⁵⁴. Распространение в Южном Туркменистане конца III — начала II тысячелетия до н. э. представлений о небесном быке — лунном божестве — тем более существенно, что со временем на этой же территории распространяется представление о противоположном образе — солнечном божестве — быке Митре. Правда, отмечается, что авестийский Митра лишь на определенном этапе стал связываться с солнцем⁵⁵, вероятно, в то время, когда начала проводиться строгая кодификация и астрализация божеств. Разумеется, авестийские представления о роли быка, о первом быке, давшем начало животной и растительной жизни, о человеко-быке Гопатшахе⁵⁶ имеют особую линию связей, отражением которой является и огромная роль быка в обрядах и культах скотоводческих племен⁵⁷. Астрализация божеств, пусть даже еще не растерявших териоморфную линию семантических связей, была характерной чертой обществ с ирригационным земледелием⁵⁸, и Южный Туркменистан не был в этом отношении исключением. Глиняные фигурки быков появляются здесь с позднего неолита, совпадая, кстати, по времени с распространением одомашненного крупного домашнего скота⁵⁹, и широко представлены в энеолитических комплексах, уступая, правда, количественно фигуркам мелкого рогатого скота⁶⁰. Однако даже массивная каменная фигурка быка с Кара-депе, происходящая скорее всего из комплекса культового назначения⁶¹ и хронологически наиболее близкая головам быков из Ура и Хафадже, не имеет никаких признаков астральной символики. Можно заключить, что лишь на стадии формирования раннегородской цивилизации, когда формировалась кодифицированная система религиозных воззрений⁶², астрализация божеств становится свершившимся фактом. Иконографические черты сходства головы быка с Алтын-депе и шумерской торевтики заставляют полагать, что это происходит не без влияния развитых религиозных представлений Шумера и Аккада.

V. M. Masson

FOUILLES D'UN COMPLEXE FUNERAIRE DE L'AGE DE BRONZE
SUR LE SITE D'ALTYN-DEPE

Résumé

Pendant les fouilles de 1972 sur le village d'Altyn-dépé (Turkménie Sud) dans les couches de la fin du III millénaire avant n. è. on a déblayé tout un complexe de bâtiments tenant du rite mortuaire et composé d'un nombre de locaux abritant diverses étapes de la cérémonie funéraire. Un des premiers locaux, servant de sanctuaire, avait,

⁵³ А. Ф. Лосев. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957, стр. 121.

⁵⁴ Т. В. Блаватская. Ахейская Греция. М., 1966, рис. 26.

⁵⁵ С. Н. Соколов. Религиозная система зороастризма. История таджикского народа, I, М., 1963, стр. 177.

⁵⁶ К. В. Тревер. Гопат-шах — царь-пастух. ТОВЭ, II, Л., 1940.

⁵⁷ М. П. Грязнов. Бык в обрядах и культах древних скотоводов. Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1972.

⁵⁸ С. А. Токарев. Религия в истории народов мира..., стр. 308.

⁵⁹ О. К. Бердыев. Чагылы-депе — новый памятник неолитической джейтунской культуры. Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966, стр. 22.

⁶⁰ И. Н. Хлопин. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении. САИ БЗ—8, ч. I. М.—Л., стр. 16, табл. XXIII, 10; *его же*. Памятники развитого энеолита юго-восточной Туркмении. САИ, БЗ—8, ч. III, Л., 1969, стр. 44, табл. XVI, 3.

⁶¹ В. М. Массон. Кара-депе у Атрыка..., стр. 347.

⁶² В. М. Массон, В. И. Сарияниди. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М., 1973, стр. 145.

au centre, l'autel des sacrifices et, près d'un mur, un autre sur lequel on déposait la dépouille du défunt à ensevelir. Ici même était concentré un grand nombre de parures et d'objets culturels tels que perles en or, lazurite, turquoise, agate et autres pierres semi-précieuses, médaillons en argent, bâtonnets en os ciselé, sceaux en pierre, tête de taureau en or incrustée de turquoise et petite tête de loup en or (fig. 1—5). Une des chambres suivantes servait de sépulcre collectif dans les murs duquel étaient aménagées les niches abritant les têtes de certains défunts. Dans la dernière chambre, enfin, on déposait les os des cadavres complètement décomposés rangés en ordre déterminé. Le fait d'y avoir trouvé un grand nombre d'objets culturels et leur disposition au sein d'un complexe comportant une construction en forme de tour érigée à la façon des zigourats mésopotamiens permet de considérer l'édifice déblayé comme sépulcre de la communauté pontificale qui desservait le centre culturel d'Altyn-dépé. La tête de taureau est sans doute la plus intéressante des trouvailles. Elle se rapproche par nombre de traits des têtes de taureaux provenant des complexes des premières dynasties mésopotamiennes mais également tient de la sculpture autochtone d'énéolithique récent. Le fait que des figurines féminines, habituelles pour d'autres sépulcres collectifs d'Altyn-dépé, font défaut dans celui-ci démontre que ce centre culturel était consacré le plus probablement à la divinité masculine. Les matériaux sumériens attestent que Sin-Nanna, dieu de la Lune, est figuré le plus souvent sous forme de taureau céleste alors que le signe, sur le front de cette figurine, du croissant lunaire et les trouvailles d'autres symboles lunaires témoignent que le centre culturel d'Altyn-dépé était le plus probablement consacré à une divinité lunaire qui tenait la place privilégiée dans le panthéon local.